

ЗАМѢТКИ.

СУДЕБНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

1 января 1887 года состоялось судебное преобразование въ Туркестанскомъ краѣ. Въ громаднѣхъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ Россіи установленъ правильнѣй, основанный на законѣ, судебный порядокъ и, если только припомнить, что съ момента присоединенія этого края къ Россіи не прошло и 25-ти лѣтъ (а для нѣкоторыхъ мѣстностей едва миновало первое десятилѣтіе ¹⁾), то нужно признать, что Туркестану особенно посчастливилось относительно скорого устройства судебной части и что край этотъ поставленъ въ лучшія, чѣмъ всѣ прочія окраины, условія (напр. Сибирь, Прибалтійскія губерніи).

Заботы объ устройствѣ въ Туркестанѣ судной части, на правильныхъ и прочныхъ основаніяхъ, были всегда близки всѣмъ главнымъ пачальникамъ этой окраины. Первый устроитель и талантливый организаторъ управленія покоренной страны, покойный генералъ-адъютантъ Кауфманъ, едва ли не съ первыхъ дней присоединенія края къ Россіи, возбудилъ вопросъ о правильномъ и возможно лучшемъ устройствѣ судной части, и, именно, благодаря заботамъ генерала Кауфмана, Туркестанскій край, едва завоеванный, уже былъ приобщенъ къ мѣстностямъ, гдѣ дѣйствовали судебные уставы, хотя и не вполне. Учрежденіе уѣздныхъ судей на правахъ мировыхъ, а затѣмъ организація съѣзда мировыхъ судей (въ областныхъ правленіяхъ), явились для края, только что вышедшаго изъ подъ деспотизма хановъ и отданнаго подъ военную фѣрулу, такимъ благодѣяніемъ, которое запишется въ лѣтописи за-

¹⁾ Фергана присоединена въ 1876 году.

слугъ, свидѣтельствующихъ о государственной мудрости генераль-адъютанта Кауфмана.

Послѣдующій рядъ годовъ, принесшій съ собою, вмѣстѣ съ умиротвореніемъ страны, рядъ проектовъ объ административномъ и судебномъ ея устройствѣ, носить на себѣ явные слѣды тѣхъ же попечительныхъ заботъ объ устройствѣ судной части на началахъ возможно рациональныхъ и современныхъ и, сколько намъ извѣстно, были даже проекты, не видѣвшіе никакихъ препятствій къ введенію въ краѣ судебныхъ уставовъ почти въ полномъ ихъ объемѣ, исключая, разумѣется, суда присяжныхъ.

Вновь завоеванный край, такимъ образомъ, почти не зналъ ни полицейскихъ расправъ, ни прославленныхъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія судовъ первой степени (уѣздныхъ), ни нижнихъ земскихъ судовъ, ни связанныхъ съ древнимъ нашимъ судопроизводствомъ многолѣтнихъ волокитъ, взяточничества, поборовъ и всей прочей обстановки стараго подъяческаго режима.

Первые устроители края заслужили за это вѣчную признательность населенія.

Дѣйствовавшій въ краѣ почти 20 лѣтъ судебный порядокъ считался, однако, несовершеннымъ.

Его несовершенство и неудовлетворительность усматривались не въ томъ только, что онъ не былъ санкціонированъ законодательною властью—въ этомъ обстоятельствѣ особаго неудобства не замѣчалось и, примѣненный лишь временно, Проектъ Положенія 1867 года, дополненный, впослѣдствіи, многочисленными разъяснительными циркулярами генераль-губернаторовъ, выполнялъ роль законодательнаго акта, не вызывая большихъ смущеній. Этотъ, никѣмъ не утвержденный *проектъ* признавался за законъ; самъ сенатъ ссылаясь на него какъ на законодательный актъ и отстаивалъ его твердость и обязательность. Обширная власть главнаго мѣстнаго начальника, которому были предоставлены права „принимать на мѣстѣ всѣ необходимыя мѣры“, для лучшаго устройства края, и примѣнять тѣ законы, какіе признавались удобными, проявлялась съ особенною энергіею въ дѣлѣ судебного устройства и, притомъ, не только въ первые, но и въ позднѣйшіе годы по завоеваніи края, въ самыхъ энергическихъ формахъ.

Только наличностью такихъ громадныхъ полномочій, данныхъ генераль-губернаторамъ, можно, какъ кажется, объяснить, что край благополучно просуществовалъ 20 лѣтъ, не имѣя никакого за-

конодательнымъ порядкомъ утвержденнаго „Положенія“ объ управленіи.

Проекты такого „Положенія“ представлялись, какъ извѣстно, одинъ за другимъ, но до 1886 года ни одинъ изъ нихъ утвержденія не удостоивался. И нужно, по справедливости, признать, что въ быстро умиротворенной странѣ дѣло внутренняго управленія шло, вообще говоря, настолько успѣшно, что въ безотлагательномъ созданіи „Положенія“ надобность чувствовалась болѣе теоретически, чѣмъ практически, а потому всѣ представляемые проекты подвергались настолько же обстоятельнымъ, насколько медленнымъ обсужденіямъ и, только болѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ, Положеніе, наконецъ, утверждено и введено въ дѣйствіе.

Существовавшее въ краѣ, въ силу дѣйствовавшаго проекта Положенія 1867 года, судебное устройство признавалось подлежащимъ реформѣ во всѣхъ частяхъ. Установленный лишь временно судебный порядокъ считался, въ особенности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (напр. устройство уголовного суда) не только несовершеннымъ, но настолько невозможнымъ, что даже было признано неотложно необходимымъ, лишь бы скорѣе покончить съ этимъ старымъ порядкомъ, не дожидаясь введенія уже утвержденнаго положенія объ управленіи краемъ, передать, всего на три мѣсяца, рѣшеніе всѣхъ уголовныхъ дѣлъ военно-окружному суду ¹⁾

Чтобы имѣть совершенно ясное представленіе о характерѣ совершившагося судебного преобразованія, необходимо сдѣлать бѣглый очеркъ предшествовавшаго сему преобразованію почти двадцатилѣтняго періода, когда край не имѣлъ утвержденнаго положенія и управлялся на основаніи такъ называемаго Проекта положенія 1867 года.

По проекту 1867 г. (11 іюля) судебная власть въ русскихъ судахъ принадлежала: уѣзднымъ судьямъ, областнымъ правленіямъ, дѣйствовавшимъ какъ мировые стѣзды и какъ палаты гражданскаго и уголовного суда, военно-суднымъ комиссіямъ и правительствующему сенату (§ 135). Особаго судебного мѣста для уголовныхъ дѣлъ, изъятыхъ изъ подсудности уѣздныхъ судей и на-

¹⁾ На основаніи § 9 полож. о введ. въ дѣйствіе воен.-суд. уст. въ Туркестанскомъ краѣ (военный судъ открытъ 1 октября 1886 г.) передано въ военно-окружной судъ 29 дѣлъ о 56 подсудимыхъ, изъ нихъ 10 дѣлъ подсудныхъ мировымъ установленіямъ и 19—общимъ.

роднаго суда, учреждено не было, потому что русскаго населенія почти еще не существовало и предполагалось, что число такихъ уголовныхъ дѣлъ не будетъ превышать 25 въ годъ и что военно-судныя комисіи, безъ затрудненія, справятся съ такимъ малымъ количествомъ дѣлъ.

Положеніе уѣздныхъ судей было сравнено съ положеніемъ закавказскихъ мировыхъ судей, съ тою разницею, что судьи эти назывались уѣздными *„дабы точнѣе опредѣлить отношеніе ихъ къ мѣстной власти“* (какъ сказано въ проектѣ) и при нихъ не полагалось, какъ въ Закавказьѣ, никакихъ штатныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ (секретаря, пристава, переводчика). Хотя, затѣмъ, признавалось и неудобнымъ и нежелательнымъ допустить, въ областныхъ правленіяхъ, смѣшеніе функций судебныхъ и административныхъ, но на это рѣшились *временно*, во избѣжаніе, главнымъ образомъ, значительныхъ издержекъ. Точно также, только по экономическимъ соображеніямъ, не ввели ни слѣдователей, ни прокуратуры и возложили обязанности слѣдователей на мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, а прокурорскія обязанности приняли на себя, больше по собственному почину, военные губернаторы. Переводчики, дѣйствовавшіе въ судахъ всѣхъ степеней, а также находившіеся при слѣдователяхъ, всѣ были вольнонаемные, т. е. совершенно неотвѣтственные люди, кромѣ штатныхъ переводчиковъ областного правленія.

При первоначальномъ устройствѣ Туркестанскаго края много говорилось о мѣстныхъ условіяхъ и обычаяхъ и, вообще, стремились къ установленію такого порядка управленія, который, при наименьшихъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ со стороны государства, представлялъ бы всѣ задатки къ постепенному введенію общаго гражданскаго управленія и, въ тоже время, не производилъ бы слишкомъ крутой ломки въ внутреннемъ быту мѣстнаго населенія.

Особенно эта забота проявилась въ организаціи суда. Оставлено было почти въ неприкосновенности два особыхъ типа судовъ: для киргизъ—по обычаю (адату), для сартовъ—по корану и шаріату. Всѣ были убѣждены, что вся жизнь сартовъ основана исключительно на исполненіи правилъ корана и что они фанатически проникнуты ученіемъ шаріата. Предполагалось, что затронуть ихъ судъ—значить затронуть ихъ религію, а это признавалось весьма опаснымъ, но, одновременно съ тѣмъ, считалось по-

чти невозможнымъ оставить сартовскій, т. е. казіійскій судъ неприкосновеннымъ, такъ какъ никто не сомнѣвался, что этотъ судъ являлся для народа проводникомъ всякаго рода упорства и невѣжества. Изыскивая способы къ примиренію этихъ противоположныхъ требованій, одно время остановились было на мысли устроить народный судъ, подъ предсѣдательствомъ русскаго чиновника, подобно тому какъ такіе суды существуютъ въ Дагестанѣ и въ Терекской области, но побоялись, что такая организація суда будетъ сочтена народомъ за явное нарушеніе шаріата, предоставившаго, какъ извѣстно, правосудіе въ руки однихъ казіевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасались, что, стоящій во главѣ такого суда чиновникъ, или начнетъ ломать шаріатскіе порядки или самъ подпадетъ подъ вліяніе казіевъ и унизитъ тѣмъ русскую власть. Всѣ эти колебанія разрѣшились оставленіемъ въ неприкосновенности казіійскаго суда, но вмѣстѣ съ тѣмъ признано было за благо предоставить туземцамъ право разбираться, по обоюдному желанію тяжущихся, не только въ народномъ, но и въ русскомъ судѣ.

Этой мѣрѣ придавалось особое значеніе и ожидалось, что произойдетъ то, что случилось въ Крыму, гдѣ кадїи также не были уничтожены, но самъ народъ, черезъ какіе либо пятьдесятъ лѣтъ, добровольно сталъ предпочитать русскій судъ своему народному и предоставилъ своимъ кадїямъ разбирать только духовные, да и то не всѣ дѣла. Устроители края много разсчитывали на то, что и въ Туркестанѣ самъ народъ разберетъ, что русскій судья и справедливѣе и гуманнѣе судьи народнаго, а потому станетъ обращаться къ нему охотнѣе, чѣмъ къ своему казію, тѣмъ болѣе, что въ формѣ разбирательства въ судѣ казіійскомъ и мировомъ было не малое сходство. Убѣжденіе въ несостоятельности народнаго суда поддерживалось также и тѣмъ, что казіійское правосудіе всегда и прежде было въ подозрѣніи и, кромѣ вопіющихъ несправедливостей, издавна чинимыхъ казіями, считавшимися, въ большинствѣ случаевъ, доступными такъ называемымъ постороннимъ вліяніямъ, въ самомъ шаріатѣ оказывался готовый и притомъ богатѣйшій матеріалъ для юридическихъ обходовъ и софизмовъ.

Извѣстно напр., что такое „*ривоятъ*“. Лицо, желающее нарушить законъ, но оставаясь, по внѣшности, на легальной почвѣ, обращается къ какому нибудь муфтію и проситъ его присесть въ юридическихъ сочиненіяхъ случай, когда буквальный смыслъ шаріата былъ нарушенъ такимъ лицомъ или при такой обста-

новѣ, что это нарушение не считалось грѣховнымъ. Муфтіи легко находилъ такой случай и давалъ засвидѣтельствованную въ томъ выписъ. Это и было ривоятъ. Документъ этотъ подносился къ подписи извѣстнаго казія или нѣсколькихъ казіевъ; они скрѣпляли его своею печатью; ривоятъ, такимъ образомъ, обращался въ „фатьву“, т. е. дѣлался сепаратнымъ постановленіемъ, имѣющимъ силу закона, которымъ можно было руководствоваться, и вотъ прямой смыслъ шаріата былъ нарушенъ. Такіе муфтіи всегда состояли при казіяхъ, а казіи, въ большинствѣ, и сами были лица, получившіе духовно-юридическое образование въ тѣхъ высшихъ школахъ, питомцы которыхъ вообще никогда въ пріисканіи подходящихъ ривоятовъ не затруднялись ¹⁾).

Такимъ образомъ судъ казіевъ былъ оставленъ на прежнихъ началахъ.

У киргизъ былъ оставленъ судъ по адату, т. е. по устному обычаю. Въ этомъ случаѣ никакихъ опасеній, собственно за шаткость правосудія, не возникало. Киргизскіе судьи были повально безграмотны и вполнѣ невѣжественны. Никакая форма просвѣщенія, даже низшихъ мусульманскихъ школъ, имъ была неизвѣстна и устроители края, оставляя этотъ судъ, усматривали вредъ его лишь въ томъ, что въ судьи непремѣнно полѣзутъ такъ называемые *родовичи* (родовитые киргизы) и заберутъ правосудіе въ свои руки и, чтобы избѣгнуть этого, было предоставлено народу самому выбирать себѣ судей (отъ 4 до 8 на каждую волость). Въ чемъ заключался адатъ—это было неизвѣстно даже и въ общихъ чертахъ.

Почти одновременно съ предоставленіемъ туземному населенію края права судиться и разбираться, въ своихъ дѣлахъ, тѣмъ же порядкомъ, какимъ они судились и разбирались въ ханскія времена, былъ представленъ, куда слѣдуетъ, первый проектъ судебного преобразованія въ краѣ, такъ какъ положеніе правосудія въ краѣ считалось и необезпеченнымъ и ненормальнымъ. За первымъ проектомъ послѣдовалъ второй, третій и четвертый ²⁾, но, по несогласію министровъ и министерствъ, дѣло судебного и админи-

¹⁾ Въ 1882 году было казіевъ въ Сыръ-Дарьинской области 108, Ферганской области 109, въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ 12 и въ Заравшанскомъ округѣ 24. Изъ нихъ только 25 не получили высшаго образованія.

²⁾ Всего представлено шесть проектовъ въ 1867, 1871, 1873, 1881, 1883 и 1884 годахъ.

стративнаго устройства затнулось почти на двадцать лѣтъ и только въ 1887 году, когда четыре пятыхъ населенія Россіи уже пользовались благами гласнаго суда, въ Туркестанѣ свершилось наконецъ желанное преобразованіе, но краю данъ не новый судъ, а такъ называемыя учрежденія стараго устройства, почти повсюду уже упраздненныя.

Какъ дѣйствовали въ Туркестанѣ, въ теченіи почти 20 лѣтъ, народныя суды, что тамъ дѣлали, терявшіеся въ массѣ біевъ и казіевъ, русскіе уѣздные суды, проявили ли туземцы какое либо желаніе ходить въ русскій судъ, или предпочитали оставаться при своихъ народныхъ судьяхъ—обо всемъ этомъ никакихъ свѣдѣній не собиралось, нигдѣ не писалось и не сообщалось и, только единожды—именно въ 1882 году, была произведена обстоятельная провѣрка дѣйствовавшихъ на этой окраинѣ порядковъ, какъ административныхъ, такъ и судебныхъ, и провѣрка эта добыла такіа данныя, которыя хотя нѣсколько но ускорили давно ожидаемое судебное преобразованіе.

Въ какомъ состояніи находилось собственно правосудіе на этой отдаленной окраинѣ въ 1882 году, объ этомъ дасть представленіе нижеслѣдующій краткій очеркъ, имѣющій изобразить положеніе: а) мирового судопроизводства; б) дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ; в) слѣдственной части, и г) дѣятельности народныхъ судовъ.

Въ характерѣ дѣятельности и постановкѣ всѣхъ этихъ отраслей судебного дѣла высшая юстиція, какъ то: государственный совѣтъ, правительствующій сенатъ и министерство юстиціи, почти до самаго введенія положенія 1886 г., не принимала никакого участія, а потому вся судебная организація края должна считаться исключительно дѣломъ рукъ мѣстной администраціи или мѣстнаго военно-народнаго управленія.

Въ 1882 году во всемъ Туркестанскомъ краѣ было 17 уѣздныхъ судей (въ Сыръ-Дарьинской области 8, въ Ферганской 6, въ Зарявшанскомъ округѣ 2 и Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ 1); изъ нихъ 10 получили высшее или среднее образованіе, четверо нигдѣ не учились, но имѣли судебную практику, и трое не соответствовали занимаемой должности ни по образовательному, ни по служебному цензу. Въ общемъ дѣятель-

ность судей найдена была сносною. Въ Сырь-Дарьинской области обжаловалось въ мировые съѣзды 35% всѣхъ рѣшеній, въ Ферганской—27%. Найдены были случаи грубыхъ нарушеній закона: такъ напримѣръ, одинъ судья постановлялъ рѣшеніе безъ вызова сторонъ, другой доносилъ по начальству, что онъ намѣренъ, „для усиленія доходовъ своей канцеляріи“, совершать акты между туземцами (васихи), третій признавалъ недѣйствительными браки между магометанами и т. д. Но въ особенности обратилъ на себя вниманіе „грустный фактъ“, что уѣздные судьи нисколько не интересуются мѣстными нарѣчіями и находятся въ рукахъ переводчиковъ. Количественная дѣятельность судей была совсѣмъ не велика: на каждого приходилось около 490 дѣлъ въ годъ ¹⁾).

Изъ немногихъ туркестанскихъ судей нѣкоторые успѣли блеснуть рѣдкою оригинальностью. Въ числѣ ихъ былъ напр. одинъ, судействовавшій съ 1866 года и не успѣвшій, какъ оказалось при проверкѣ, приобрести къ 1882 г. никакихъ юридическихъ свѣдѣній. Онъ напр. воздвигъ систематическое гоненіе противъ проживавшихъ въ его участкѣ индійцевъ, и такъ уже гонимыхъ административнымъ порядкомъ за склонность къ ростовщичеству, и поставилъ ихъ внѣ закона, не принимая отъ нихъ никакихъ исковъ и заявленій. Судья этотъ нашелъ даже такой законъ, который уполномочивалъ его такъ тѣснить индійцевъ и законъ этотъ оказался, какъ донесъ судья начальству, въ уставѣ гражд. суд., именно въ ст. 261, опредѣляющей только порядокъ написанія прошеній иностранцами. Другой судья, отставной врачъ, подалъ въ 1880 году начальству проектъ о замѣнѣ для туземцевъ тюремнаго заключенія вырѣзаніемъ ушей. Въ проектѣ былъ описанъ способъ совершенія этой операціи и предлагалось установить карательныя мѣры противъ фельдшеровъ и медиковъ, которые окажутся виновными въ заживленіи ранъ, безъ разрѣшенія суда.

Въ апелляціонныхъ и кассационныхъ дѣлахъ мирового разбирательства, рѣшавшихся въ областныхъ правленіяхъ на правахъ съѣзда, найдена была прежде всего вопіющая медленность. Дѣла рѣшались черезъ 2—3 года, единственно вслѣдствіе крайнихъ затрудненій при вызовѣ сторонъ и врученіи повѣстокъ въ гро-

¹⁾ За три года (1880—1882) рѣшено во всемъ краѣ 23,514 дѣлъ, изъ нихъ 19,026 гражданскихъ и 4488 уголовныхъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ исковъ предъявлено на сумму 1,811,375 руб. и изъ этой суммы приходится на Сырь-Дарьинскую область на 1,179,333 руб., а на Ферганскую—632,012 руб.

манных районах деятельности этих съездовъ. Замѣтимъ однако тутъ же, что не взирая на доказанное неудобство такого устройства съездовъ, все таки, при введеніи положенія 1886 г., нашли, что организовать настоящіе съезды мировыхъ судей невозможно, и главнымъ тому препятствіе усмотрѣли какъ разъ въ томъ, что должно было считаться главнымъ основаніемъ для такого устройства, именно—громадныя разстоянія и отсутствіе дорогъ. Частныя жалобы лежали безъ разрѣшенія болѣе года, апелляціонныя дѣла ранѣе года къ слушанію не назначались. Надзора за судьями не существовало.

Дѣлъ на сумму свыше 2000 руб. было такъ немного (въ три года 68), что участь ихъ нисколько не озабочивала начальство: менѣе двухъ лѣтъ ни одно дѣло не производилось. Такая же медленность царила въ дѣлахъ о несостоятельности (изъ четырнадцати дѣлъ, возникшихъ за три года, рѣшено семь) и при обзорѣ этихъ дѣлъ констатированъ еще новый „грустный фактъ“, что областныя правленія не могутъ различить торговую отъ неторговой несостоятельности. Впрочемъ, сдѣланная провѣрка категорически удостовѣряла, что мировое разбирательство и движеніе дѣлъ на сумму свыше 2000 руб. было поставлено въ Ферганской области гораздо выше чѣмъ въ Сырь-Дарьинской, хотя при этомъ было упущено изъ виду, что дѣлъ въ Ферганѣ было вдвое меньше, а районъ территоріи, подчиненной Сырь-Дарьинскому съезду, превосходилъ ферганскую территорію въ 6 разъ ¹⁾).

Сдѣланная въ 1882 году провѣрка слѣдственной части въ краѣ выяснила опять цѣлый рядъ „грустныхъ фактовъ“.

По проекту 1867 г. слѣдствія должны были производить уѣздные судьи, но генераль Кауфманъ учредилъ по одной должности слѣдователей въ Ташкентѣ, въ Зарявшанскомъ округѣ (Самаркандѣ) и въ Ферганской области, а генераль Черняевъ учредилъ еще одну должность слѣдователя для Кураминскаго уѣзда. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ слѣдствія производили уѣздные судьи, а въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ слѣдственнымъ дѣломъ занимался одинъ изъ офицеровъ, по усмотрѣнію начальника отдѣла.

¹⁾ Сырь-Дарьинскому областному правленію также подчинялись Зарявшанскій округъ (нынѣшняя Самаркандская область) и весь Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Въ Ферганской области было 674 тыс. жит. при 81 тыс. квадр. верстъ пространства, въ области Сырь-Дарьинской 501 тыс. кв. верстъ пространства и 1,732,000 жителей.

Въ 1882 году въ краѣ было 8 судебныхъ слѣдователей (4 въ Ферганѣ, 2 въ Зарявшанѣ и 2 въ Сыръ-Дарьинской области), изъ нихъ три юриста, одинъ бывшій кадетъ, одинъ воспитанникъ духовнаго училища и два безъ всякаго образованія. Кромѣ того, слѣдствія производили мировые судьи. Всѣ слѣдователи получали разные оклады. Въ Сыръ-Дарьинской области они получали по 2400 руб., въ Зарявшанѣ одинъ слѣдователь получалъ 2600 руб., а другой 2240 руб.; изъ двухъ слѣдователей Ферганы, одинъ (Ошскій) получалъ 3800 руб., а другой (Наманганскій) 3700 руб., и, вообще, чѣмъ позднѣе учреждена была должность, тѣмъ назначалось большее содержаніе.

Получая разное содержаніе, они и дѣйствовали на основаніи различныхъ законоположеній. Одни изъ слѣдователей дѣйствовали на основаніи XV тома ч. 2 (законовъ о судопр. по прест. и прост.), другіе руководствовались судебными уставами, третьи заимствовали порядки оттуда и отсюда, смотря по удобству.

Въ теченіи трехъ лѣтъ (1880—1882) всѣхъ слѣдствій было въ производствѣ 2661, т. е. приходилось по 133 дѣла на cadaго изъ 17 слѣдователей. Въ частности, Зарявшанскіе слѣдователи производили по 67 дѣлъ въ годъ, слѣдователь гор. Ташкента—по 253, а у нѣкоторыхъ слѣдователей было не болѣе 10—15 дѣлъ ежегодно. Несмотря на разницу слѣдовательскихъ окладовъ и разные слѣдственные приемы въ производствѣ дѣлъ, замѣчалось полное сходство только въ одномъ отношеніи: всѣ слѣдствія производились одинаково медленно (въ среднемъ не скорѣе шести мѣсяцевъ) и одинаково дурно. Причина сего усматривалась, съ одной стороны, въ недостаткѣ должнаго содѣйствія полиціи и туземной администраціи, а съ другой—въ отсутствіи прокурорскаго надзора.

Обязанности этого надзора исполняли, какъ уже сказано ранѣе, совершенно добровольно и по собственному почину, сами военные губернаторы. Проектъ положенія, установивъ подсудность дѣлъ по общимъ преступленіямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, такъ называемымъ военно-суднымъ коммисіямъ, возложилъ передачу въ эти коммисіи окончанныхъ слѣдствій на обязанность военныхъ губернаторовъ (§ 159), но, вмѣсто простой передачи, военные губернаторы занялись разсмотрѣніемъ и классификаціей дѣлъ, на подлежащія передачѣ и подлежащія прекращенію.

Свои прокурорскія обязанности военные губернаторы испол-

нили такъ: поступающіе дѣла разсматривалъ начальникъ суднаго отдѣленія областного правленія и, по его докладу, безъ внесенія дѣлъ въ общее присутствіе областного правленія, давалось дѣлу направленіе. Но на три самостоятельныхъ административныхъ единицы: Сыръ - Дарьинскую область, Зарявшанскій округъ и Аму-Дарьинскій отдѣлъ, было только одно областное правленіе и одно судное отдѣленіе, а такъ какъ начальники Зарявшанскаго округа и Аму-Дарьинскаго отдѣла пользовались также губернаторскими правами, какъ и губернаторъ Сыръ-Дарьинскій, то оказывалось, что въ вѣдомствѣ только одного Сыръ - Дарьинскаго областного правленія было три такихъ прокурора: самъ Сыръ - Дарьинскій губернаторъ, начальникъ Зарявшанскаго округа и начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла. Всѣ эти три прокурора измѣнили подсудность дѣлъ, кончали ихъ административнымъ порядкомъ и прекращали по своему усмотрѣнію.

Такой порядокъ установился, такъ сказать, самъ собой и притомъ единственно вслѣдствіе того, что военно - судныя комиссіи отказывались принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла, по которымъ не указаны виновные, подлежащіе преданію суду, ссылаясь на ст. 265, 266, 269 воен.-суд. уст. (изд. 1859 г.), а такъ какъ указывать этихъ обвиняемыхъ было некому, то губернаторы и взяли за это дѣло.

Въ правильности этого порядка сомнѣвались, впрочемъ, и сами губернаторы, и одинъ изъ нихъ, временно управлявшій Сыръ-Дарьинской областью (д. с. с. Гилевъ) даже прямо отказался отъ этой обязанности, и, послѣ этого отказа, военно-судныя комиссіи, нѣкоторое время, вполне обходились безъ прокурорскихъ заключеній губернаторовъ, но послѣ г. Гилева власти опять возвратились къ прежнимъ порядкамъ, разсуждая такъ, что при неудовлетворительности слѣдственной части и полной безконтрольности ея органовъ „было необходимо кому-либо разсматривать слѣдствія для опредѣленія ихъ полноты“, и хотя вопросъ о полнотѣ могъ бы быть разрѣшаемъ и самими военно-судными комиссіями, но это считалось неудобнымъ, потому что слѣдователи не были имъ подчинены, а военно - судныя комиссіи, по мнѣнію всѣхъ, представляли послѣднюю степень юридической несостоятельности, почему и было рѣшено порядокъ, введенный временно, сохранить до введенія настоящей прокуратуры.

При такихъ условіяхъ прокурорская дѣятельность губернато-

ровъ стала годъ отъ году развиваться. Такъ, въ 1880 году они рассмотрѣли и направили 646 дѣлъ, въ 1881—873 дѣла а въ 1882—900 дѣлъ и, за эти три года, изъ числа 2522 дѣлъ, по 947 дѣламъ они положили резолюцію о „прекращеніи“, а 238—передали въ военно-судныя комисіи. (Остальныя возвращены для дополненія, разрѣшенія административнымъ порядкомъ и т. д.). Въ числѣ рассмотрѣнныхъ губернаторами дѣлъ были самыя разнообразныя, но преобладали преступленія противъ личности и имущества. Такъ напр. въ числѣ ихъ было: убійствъ и пораненій 652, кражъ 622, разбоевъ и грабежей 368, преступленій должности 94, мошенничествъ и растратъ 59, поддѣлокъ и сбыта фальшивыхъ монетъ 42, поджигательствъ 19 и т. д.

Такое ненормальное устройство слѣдственной части завершалось еще болѣе ненормальной организаціей первой инстанціи по уголовнымъ дѣламъ, выходящимъ изъ подсудности мировыхъ учреждений. Это были уже выше упомянутыя тѣ самыя, совершенно несостоятельныя въ юридическомъ отношеніи, военно-судныя комисіи. Сначала это были учрежденія только временныя, но въ 1876 и 1878 гг. онѣ были преобразованы въ постоянныя и открыты въ Ташкентѣ, Казалинскѣ, Маргеланѣ, Ошѣ, Самаркандѣ и Петро-Александровскѣ. Въ каждой комисіи былъ презусъ — штабъ - офицеръ, три ассесора—оберъ - офицера, аудиторъ и вольнонаемный переводчикъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ (1880—1882) во всѣ 6 комисій поступило 773 дѣла собственно о лицахъ гражданскихъ. Въ комисіяхъ этихъ, кромѣ полнаго юридическаго невѣжества, пристрастія, несправедливости и, по всеобщему убѣжденію, весьма нерѣдкаго подкупа,—царила страшная медленность. Полная безконтрольность дѣятельности этихъ комисій являлась вѣнцомъ всей этой организаціи. По своду воен. постанов. (кн. V гл. II), на основаніи котораго дѣйствовали эти комисіи, всѣ дѣла, во время ихъ нахожденія въ комисіяхъ, подлежали контролю мѣстныхъ воинскихъ начальниковъ и комендантовъ а, послѣ постановленія приговоровъ, подвергались еще ревизіи мѣстнаго военнаго начальства или главнаго военнаго суда, по принадлежности. Этотъ контроль однако былъ совсѣмъ фиктивный. Дѣлами орудовали аудиторы, надъ которыми презусы не имѣли дисциплинарной власти, а коменданты и воинскіе начальники, имѣвшіе эту власть, вовсе не пользовались ею и потому, гражданскія лица, попавшія подъ военный судъ, не могли, въ случаяхъ неправильныхъ дѣйствій и

нарушенія ихъ интересовъ, искать защиты и правосудія нигдѣ кромѣ военныхъ властей, а власти эти вездѣ дѣйствовали, по судебнымъ дѣламъ, чрезъ такихъ же аудиторовъ.

Такимъ оказался, на пятнадцатый годъ своей дѣятельности, временно введенный въ Туркестанскомъ краѣ русскій судъ. Послѣ провѣрки 1882 г. никто не сомнѣвался, что скорѣйшее преобразование этого суда есть дѣло неотложной необходимости.

Казіи и біи дѣйствовали въ этотъ періодъ также какъ и до завоеванія края, но лишь подъ контролемъ русской власти. Разсчеты на то, что туземцы сами усмотрятъ преимущества русскаго правосудія и пойдутъ съ своими дѣлами къ уѣзднымъ судьямъ, рѣшительно не оправдались. Туземцы обращались къ русскому суду, по взаимному согласію (§ 204 и 233 проекта), также рѣдко какъ и прежде, и за три года было всего три такихъ случая.

Кто лучше дѣйствовалъ въ интересахъ общественнаго порядка и правосудія—казіи или біи—это было очень трудно рѣшить, но казіямъ, дѣйствовавшимъ исключительно въ крупныхъ пунктахъ осѣдлаго населенія, было гораздо легче обуздывать нарушителей порядка, чѣмъ біямъ держать въ повиновеніи подвѣдомственное имъ подвижное, кочевое населеніе, разбросанное на пространствахъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Притомъ же казіи, въ силу еще ханскихъ традицій, относились къ преступникамъ съ большею строгостью нежели біи и, иногда, безъ милосердія, карали преступниковъ и особенно разные виды нарушеній правъ чужой собственности. Также они часто пользовались правомъ ссылать въ Сибирь порочныхъ членовъ общества и за три года было 34 случая такой ссылки (въ Сыръ-Дарьинской области 5 чело-вѣкъ, Ферганской—27, Зарявшанскомъ округѣ—2) ¹⁾. Киргизскіе же біи, не знавшіе никогда ни наказаній тюремнымъ заключеніемъ, ни ссылокъ, все сводили, по обычаю, на гражданскую почву и, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, оканчивали разсчеты сдѣлками на деньги или на скоть (кунъ).

Такъ давно поджидавшая судебного преобразования края русская власть не считала, однако, возможнымъ оставаться спокойной блюстительницей соблюденія народныхъ обычаевъ и, по мѣрѣ

¹⁾ Число совершаемыхъ въ народныхъ судахъ гражданскихъ сдѣлокъ и документовъ постоянно увеличивалось: за 3 года совершенно и засвидѣтельствовано документовъ на 2.931.255 р. (среднимъ числомъ въ годъ на 977.085 р.).

силъ и усердія, дѣлала, въ судебномъ механизмѣ, свои исправленія и дополненія. Въ средѣ администраціи были лица такъ глубоко убѣжденные въ негодности всего института киргизскаго народнаго суда, что они предлагали, хоть только для опыта, оставить безъ всякаго исправленія ненормальности народнаго правосудія и полагали, что въ результатѣ такого опыта получится, что сами туземцы стануть, волей-неволей, обращаться къ русскому суду. Особенно указывали на несостоятельность системы выборовъ народныхъ судей. Также всѣ дружно требовали упраздненія одного кореннаго обычая суда по адату, это—дѣлать взысканія (куна) съ родственниковъ обвиняемаго до 7 колѣна включительно. Огромное большинство мѣстныхъ администраторовъ всегда находило, что этотъ несправедливый обычай имѣетъ растлѣвающее вліяніе, но были и такіе, которые доказывали, что этотъ обычай превосходитъ, что онъ *„затмѣняетъ въ стѣни полицейскія мѣры предупредженія и преступленія и побуждаетъ благонадежныхъ людей, изъ чувства самосохраненія и ради соблюденія своихъ интересовъ, наблюдать за порочными членами общества“*.

Существенный вопросъ—вопросъ о надзорѣ за народными судьями (казійскими и бійскими) представлялся, на практикѣ, совершенно неразрѣшимымъ. Всѣ признавали рѣшительно невозможнымъ контроль судебныхъ рѣшеній по существу, потому, что такой контроль требовалъ, не только знакомства съ языкомъ и съ мельчайшими подробностями народной жизни, но и основательнаго знанія, такъ называемаго, мусульманскаго права и киргизскаго адата. Кодифицировать народные обычаи киргизовъ считалось и крайне труднымъ и неудобнымъ въ политическомъ отношеніи, и всѣ попытки установить хоть какой либо надзоръ за народными судьями должны были свестись, въ концѣ концовъ, къ предоставленію администраціи слѣдить за веденіемъ книгъ въ народныхъ судахъ, да наблюдать за ненарушеніемъ судьями предѣловъ вѣдомства и власти. Къ сему присовокуплялось всѣми администраторами желаніе, чтобы въ народные судьи избирались лучшіе люди, но когда коснулись практическаго осуществленія этого желанія, то оказалось, что при выборѣ въ судьи царитъ система подкупа и взятокъ и, слѣдовательно, въ судьи попадаютъ отнюдь не лучшіе люди; когда же, затѣмъ, поставленъ былъ на рѣшеніе вопросъ—не принять ли администраціи на свою отвѣтственность назначеніе судей и не заняться ли самой отысканіемъ этихъ лучшихъ лю-

дей, то на это не рискнули, дабы произвольно не отнимать у народа дарованного ему права выборов, но, въ особенности, опасались, въ случаѣ неудачныхъ назначеній, возбудить справедливое неудовольствіе населенія. Такимъ образомъ желаніе завербовать въ народные судьи лучшихъ людей оказалось вполне платоническимъ.

Пока ожидалось столь замедлившееся преобразование судовъ въ краѣ, мѣстное начальство было особенно озабочено двумя категориями дѣлъ, подсудныхъ, не смотря на всю ихъ важность, народному суду. Это именно были дѣла объ убійствахъ между киргизами и дѣла объ особенномъ видѣ открытаго грабежа, цѣлыми вооруженными партіями, именуемомъ по мѣстному „барантой“. Дѣла объ убійствахъ рѣшались у киргизъ, какъ извѣстно, исключительно на основаніи очистительной присяги, а такъ какъ присяга, съ потрясеніемъ всего патріархальнаго строя жизни у киргизъ, все больше и больше теряла свое значеніе, и въ послѣдніе годы уже довольно легко было найти охотниковъ принять ложную присягу¹⁾, а баранта была ничто иное какъ явный грабежъ, хотя нерѣдко совершаемый ради сведенія счетовъ за подобный же грабежъ, то начальство всегда плохо мирилось съ тѣмъ, что такія, несомнѣнно важныя, дѣла подлежали компетенціи народныхъ судей и, періодически, возбуждало вопросъ объ измѣненіи подсудности этихъ крупныхъ преступленій.

Усердные сторонники сохраненія народнаго суда, однако, нисколько не желали замѣчать всѣхъ этихъ несообразностей. Они горой стояли за неприкосновенность этихъ судовъ и, даже, нисколько не смущались тѣмъ, что сами туземцы массами жаловались на своихъ избранниковъ, обвиняя ихъ въ корысти, несправедливости и неправосудіи. Сторонники сохраненія народныхъ судовъ объясняли эти жалобы „естественнымъ желаніемъ добиться перевершенія дѣла“.

Хотя желаніе добиться перевершенія дѣла довольно естественно въ каждомъ обвиняемомъ, а также и въ каждомъ сознающемъ свои интересы нарушенными, но здѣсь возможенъ такой вопросъ:

¹⁾ Въ 1880 г. бій въ Аулізатинскомъ уѣздѣ осудили, на основаніи присяги, за убійство чловека, котораго сами обвинители скрыли въ Наманганскомъ уѣздѣ. Въ другомъ случаѣ чловекъ, признанный, на основаніи присяги, убитымъ, оказался умершимъ отъ болѣзни.

какъ могли возникнуть и развиться такія желанія въ туземномъ населеніи Туркестанскаго края, когда въ самыя основы устройства народныхъ судовъ положенъ былъ тотъ главный принципъ, что рѣшенія народныхъ судовъ никакому перевершенію именно русской власти не подлежатъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить вся исторія административнаго управленія краемъ за тотъ долгій періодъ, когда край обходился безъ всякаго спеціального закона или Положенія объ его управленіи. Это Положеніе введено только съ 1887 года и, слѣдовательно, двадцать лѣтъ административный и судебный механизмъ находился въ безконтрольномъ распоряженіи главной власти и второстепенныхъ ея исполнителей.

Эта извѣстная въ исторіи края, такъ называемая *героическая эпоха*, эпоха циркуляровъ и усмотрѣній, когда случайно и частично примѣнялись и приспособлялись къ мѣстнымъ условіямъ разные законы, дѣйствовавшіе во внутренней Имперіи, породила въ судебной практикѣ, требующей особенной устойчивости, такія напри-
мѣръ, аномаліи, что сама администрація не только не защищала основъ дарованнаго населенію, какъ особую милость, народнаго суда, но даже съ особенною охотою пошла на встрѣчу *естественнымъ желаніямъ туземцевъ добиваться перевершенія дѣлъ*, неподлежащихъ никакому перевершенію, и создала такую смуту въ понятіяхъ, что недовольство туземцевъ ихъ судомъ нельзя было отличить отъ ихъ желанія только добиться перевершенія дѣлъ, хотя уже самое желаніе это ясно говорило, что правосудіе ихъ не удовлетворяло.

Нижеслѣдующій, далеко не полный перечень циркулярныхъ и иныхъ распоряженій главной власти края, освѣтитъ болѣе рельефнымъ образомъ порядки, господствовавшіе въ эту долгую героическую эпоху административнаго управленія. Не соблюдая хронологическаго порядка, укажемъ только на особенно выдающіеся распоряженія.

1) 1 мая 1881 г. по приказанію генераль-губернатора, было введено въ краѣ нотаріальное положеніе 1866 г., не смотря на то, что ни военный министръ, ни министръ юстиціи не только не изъявили на то своего согласія, но даже протестовали противъ этаго и не нашли возможнымъ объявить это распоряженіе во всеобщее свѣдѣніе. Въ Ташкентѣ была открыта контора младшаго нотаріуса, въ остальныхъ пунктахъ обязанности нотаріусовъ были

возложены на судей, а старшими нотаріусами сдѣланы начальники судныхъ отдѣленій областныхъ правленій. Несмотря на то, что въ краѣ вовсе не были введены судебные уставы, а слѣдовательно, не могло примѣняться и нотаріальное положеніе; несмотря на то, что начальники судныхъ отдѣленій были только административные чиновники и на дѣйствія ихъ даже не кому было жаловаться, кромѣ областного правленія, въ составѣ котораго они считались членами коллегіи; несмотря на несогласіе министровъ и, однимъ словомъ, не взирая ни на что — нотаріальное положеніе было все таки введено и дѣйствовало шесть лѣтъ.

2) 27 января 1880 г., циркулиромъ генераль-губернатора за № 585, отмѣнена сила статей 2052 и 2054 т. X ч. I зак. гражд. и 409 ст. уст. гражд. суд. Судьямъ было предоставлено право принимать свидѣтельскія показанія, вмѣсто документовъ, при разсмотрѣніи денежныхъ претензій и, тѣмъ же путемъ, доказывать исполненіе по долговымъ обязательствамъ.

3) Приказомъ 30 іюля 1868 г. за № 50, властью генераль-губернатора, изъяты изъ юрисдикціи уѣздныхъ судей военные губернаторы, ихъ помощники, начальники отдѣловъ военно-окружнаго управленія, правитель канцеляріи генераль-губернатора и начальники уѣздовъ. Всѣ жалобы на этихъ лицъ, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, предписано разрѣшать административнымъ порядкомъ и, такимъ образомъ, въ явное нарушеніе судебныхъ уставовъ, данныхъ уѣзднымъ судьямъ въ руководство, мѣра эта ставила всѣхъ поименованныхъ должностныхъ лицъ внѣ закона, принуждая населеніе отдавать на разрѣшеніе администраціи даже споры о правѣ гражданскомъ (ст. 1 уст. гражд. суд.).

4) Циркуляромъ 29 февраля 1880 г. (№ 1244) генераль-губернаторъ предоставилъ военнымъ губернаторамъ право дѣлать выговоры и замѣчанія судебнымъ слѣдователямъ и уѣзднымъ судьямъ за упущенія по службѣ, что прямо противорѣчило ст. 1780 т. II общ. губ. учрежд.

5) Въ январѣ 1877 года, на одномъ изъ поданныхъ генераль-губернатору прошеній объ отмѣнѣ рѣшенія бѣевъ, послѣдовала резолюція: объявить адвокату, писавшему это прошеніе, что если онъ будетъ заниматься сочиненіемъ жалобъ для туземцевъ, онъ будетъ высланъ изъ края какъ вредный человѣкъ, и, такимъ образомъ, русскій гражданинъ былъ, административною властью, ограниченъ въ правахъ состоянія.

6) Циркуляромъ 9 февраля 1879 года (№ 1178) предписано, „чтобы за подачу туземцами жалобъ, хотя бы и неправильныхъ, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какими предлогами не было налагаемо взысканіе съ подателя“, но 25 февраля 1882 года (циркуляръ № 1570) поставлено всѣмъ должностнымъ лицамъ въ обязанность вовсе не принимать прошеній, не подписанныхъ сочинителями, а послѣднихъ приказано, за неподписаніе своего имени, привлекать къ отвѣтственности, вмѣстѣ съ просителями, на основаніи ст. 29 уст. о нак., налаг. мир. суд.

7) 18 февраля 1880 г., по докладу своей канцеляріи, генераль-губернаторъ, по случаю 25-ти лѣтія царствованія покойнаго Императора, приказалъ: 1) освободить изъ тюремъ 213 человекъ уже осужденныхъ (преимущественно за кражи); 2) прекратить 93 уголовныхъ дѣла и 3) сократить 39 лицамъ, осужденнымъ въ арестантскія роты, сроки заключенія.

Этотъ актъ помилованія, совершенный властью генераль-губернатора, былъ названъ въ докладѣ канцеляріи „особеннымъ закономъ, ограничивающимъ дѣйствіе закона общаго“.

8) Предписаніемъ 21 декабря 1877 г. (№ 8153) сообщено военнымъ губернаторамъ, что хотя начальники уѣздовъ, на основаніи § 60 Проекта, имѣютъ право задерживать при полиціи „частныхъ лицъ только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, но, принимая въ соображеніе исключительное положеніе Туркестанскаго края, и имѣя въ виду, что туземцы уже привыкли къ жестокимъ карательнымъ мѣрамъ и не въ состояніи представить себѣ власть, не облеченную правомъ непосредственно карать виновнаго“, признается необходимымъ возвысить значеніе уѣздныхъ начальниковъ въ глазахъ туземцевъ, а потому имъ предоставляется право, за неисполненіе ихъ законныхъ распоряженій, всѣхъ пребывающихъ въ уѣздѣ лицъ (кромѣ русскихъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и служащихъ) подвергать аресту не свыше семи дней и денежному взысканію до 15 рублей.

9) Въ 1878 году генераль-губернаторъ циркуляромъ объявилъ, что принимаетъ на себя обязанность кассационнаго суда. Поводомъ къ этому послужило дѣло Капустина съ Пиръ-Магометомъ о поставкѣ козловыхъ шкуръ на 1500 руб. Судья удовлетворилъ искъ Капустина, но мировой съѣздъ (областное правленіе) отиѣвилъ это рѣшеніе. Дѣло на этомъ должно было окончиться, такъ

какъ никакихъ жалобъ на сѣзды не было установлено, но въ дѣло, почему то, вступился военный губернаторъ (вопреки всѣхъ законовъ), и нашелъ правильнымъ рѣшеніе судьи, а не сѣзда, о чѣмъ сдѣлалъ личный докладъ генераль-губернатору, который, раздѣливъ взглядъ этой неожиданной инстанціи, отмѣнилъ своей резолюціей рѣшеніе сѣзда и, кромѣ того, „за неправильное рѣшеніе дѣла“ объявилъ областному правленію выговоръ.

Съ этого времени собственно и началась кассационная практика канцеляріи генераль-губернатора. Ни военный министръ, ни министръ юстиціи не изъявили однако на это согласія. Сенатъ, особымъ указомъ (30 ноября 1881 г.) еще разъ счелъ даже нужнымъ подтвердить, что рѣшенія областныхъ правленій (въ качествѣ сѣздовъ) никакому обжалованію не подлежатъ, а министръ юстиціи, сверхъ того, находилъ совершенно несоотвѣтственнымъ возлагать на такое учрежденіе, какъ канцелярія генераль-губернатора, разрѣшеніе кассационныхъ вопросовъ, но, несмотря на все это, принятая мѣра все таки оставлена въ силѣ „въ виду того, что она уже объявлена циркуляромъ“. Кассационныхъ рѣшеній состоялось, впрочемъ, въ канцеляріи не особенно много, именно всего за четыре года ихъ было 71 (1879—10, 1880—26, 1881—28, 1882—7). Но при этомъ интересно замѣтить, что кассируя рѣшенія сѣздовъ, генераль-губернаторъ самъ же назначалъ и составъ суда для вторичнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Составъ этотъ бывалъ, подчасъ, самый фантастическій. Такъ, по одному дѣлу предсѣдательствовалъ исправляющій должность судьи Кураминскаго уѣзда, а съ нимъ засѣдали исправляющій должность судебного слѣдователя гор. Ташкента и одинъ изъ состоящихъ въ распоряженіи генераль-губернатора чиновниковъ. Кассационная дѣятельность канцеляріи была прекращена генераломъ Черняевымъ.

10) 17 февраля 1877 г. (циркуляръ № 1507) генераль-губернаторъ „предоставилъ“ военнымъ губернаторамъ право отмѣнять и измѣнять, по своему усмотрѣнію, всѣ приговоры народныхъ судовъ, по которымъ опредѣлялось наказаніе свыше трехъ мѣсяцевъ ареста. Предоставивъ такое право губернаторамъ, самъ главный начальникъ края, лично, также широко практиковалъ отмѣну и измѣненіе всякаго рода приговоровъ, не взирая на то, что Проектъ (§§ 201, 232) не допускалъ ничего подобнаго. Русская администрація и прежде не всегда относилась съ должнымъ спокойствіемъ и уваженіемъ къ народному суду, но послѣ изданія этого цирку-

лира началось самое прискорбное вмѣшательство администраціи въ судьбы народнаго правосудія. Отмѣнялись и измѣнялись и единоличныя рѣшенія судей и окончательныя рѣшенія ихъ съѣздовъ. Отмѣненныя рѣшенія или передавались, губернаторами, на разсмотрѣніе другихъ съѣздовъ, или, просто, заканчивались въ кассационномъ отдѣленіи канцеляріи генераль-губернатора. Никакихъ правилъ на эти случаи установлено не было и все зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія губернаторовъ или доклада кассационныхъ чиновниковъ. Самая идея неприкосновенности судебныхъ рѣшеній безслѣдно исчезла и, на благодарной почвѣ канцелярскаго произвола, разцвѣла роскошнымъ цвѣтомъ ябеда и кляуза. Не менѣе трети обвинительныхъ приговоровъ народнаго суда подвергались ломкѣ; значеніе этого суда умалилось до послѣдней степени и самостоятельность его была совершенно упразднена. Одинъ ферганскій губернаторъ въ теченіи трехъ лѣтъ измѣнилъ или отмѣнилъ изъ 141 приговоровъ 39, т. е. 28%, причемъ были случаи, что имъ освобождались отъ присужденнаго судомъ наказанія люди, которые, даже на основаніи общественнаго мнѣнія, именовались въ приговорахъ „истинными ворами, мошенниками и вообще дурными людьми“. Такъ напр., изъ 27 лицъ, приговоренныхъ ферганскими казіями къ ссылкѣ въ Сибирь, мѣра эта утверждена губернаторомъ только относительно трехъ, а остальные отдѣлались кратковременнымъ арестомъ, по назначенію начальника губерніи. Пяти туземцамъ, приговореннымъ въ Сибирь за изнасилованіе сартянки Наръ-Нисы, ссылка замѣнена, также по усмотрѣнію губернатора (на основаніи предоставленнаго ему циркуляромъ за № 150 права), семимѣсячнымъ арестомъ. Бухарскій сартъ Шарифъ, приговоренный маргеланскими казіями къ ссылкѣ за оскорбленіе мусульманской религіи, былъ даже совершенно освобожденъ губернаторомъ отъ наказанія и, притомъ, только на томъ основаніи, что такое преступленіе по русскимъ законамъ не наказуемо и т. д. и т. д.

Доказывать растлѣвающее вліяніе подобныхъ судебныхъ порядковъ едва ли требуется, но туркестанская администрація очевидно этого не понимала и являлась первой и сугубой нарушительницей законовъ. Она не только никогда не сомнѣвалась въ возможности обойтись собственными силами въ сложномъ дѣлѣ управленія инородческимъ населеніемъ въ два съ половиною милліона душъ, но съ величайшимъ самоувереніемъ вѣровала, что она

прекрасно справится со всѣми мѣстными вопросами, не исключая вопроса о наилучшей постановкѣ правосудія. Какъ она справилась съ этимъ послѣднимъ вопросомъ видно изъ этого краткаго очерка.

Всѣ достоинства, всѣ дѣйствительно хорошія стороны народнаго суда: простота, доступность, понятность для народа, отсутствіе формальностей, быстрота, подвижность и сведеніе большинства счетовъ къ имущественной отвѣтственности, все это ступенчатось подъ давленіемъ административнаго произвола и, поощренная самими властями, кляуза и ябеда глубоко проникла и водворилась въ патріархальномъ быту туземца. Къ этому присоединилось, во первыхъ, подкупность судей, безконтрольность ихъ рѣшеній, произволъ туземной администраціи, безнаказанность многихъ преступленій и, присущая азіату, наклонность къ лжесвидѣтельству, а во вторыхъ, полная для русской власти неизвѣстность самыхъ основъ той, частью древне-мусульманской, частью патріархально-киргизской, юриспруденціи, которой были ввѣрены интересы миллионовъ людей.

Дѣйствовавшій тутъ же, на ряду съ народнымъ судомъ, судъ русскій, съ его подсудностью мирныхъ гражданъ военному суду, съ его скверными слѣдствіями, дилетантами-прокурорами и судьями изъ административнаго персонала, все это довершало картину ненормальной постановки правосудія въ Туркестанскомъ краѣ. Искупались ли всѣ эти грѣхи судебной организаціи единственнымъ и то отрицательнымъ ея достоинствомъ—дешевизною для казны—на это отвѣтить не трудно.

Понятно, что новый судъ ожидался съ законнымъ и легко объяснимымъ нетерпѣніемъ и многими надеждами.

Насколько надежды эти осуществились видно будетъ ниже.

Реформа 12 іюня, прежде всего, осталась при прежнемъ дѣленіи суда на народный и русскій, но въ организаціи какъ того, такъ и другаго суда сдѣланы слѣдующія главнѣйшія преобразованія:

а) Категорія уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ прежде (по Проекту 1867 г.) народному суду, сокращена и, соотвѣтственно, увеличена категорія дѣлъ, подсудныхъ суду русскому; б) „уѣздные“ судьи переименованы въ „мировыхъ“ (не выборныхъ), но кругъ ихъ дѣя-

тельности остался тотъ же какъ и прежде, съ прибавленіемъ дѣлъ вексельныхъ ¹⁾, опекунскихъ, нѣкоторыхъ нотаріальныхъ и всѣхъ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которые изъяты Положеніемъ 12 іюня изъ вѣдѣнія народныхъ судовъ, но по которымъ обвиняемымъ не грозить ни лишеніе, ни ограниченіе правъ состоянія; в) съ областныхъ правленій, дѣйствовавшихъ до 1 января 1887 года въ качествѣ судебныхъ учреждений, сложены обязанности судовъ и учреждены, въ каждой области, областные суды въ качествѣ судовъ коммерческихъ, соединенныхъ палатъ и сѣздовъ мировыхъ судей; г) военно-судныя коммисіи окончательно закрыты и рѣшеніе всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ обвиняемымъ грозитъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, передано въ областные суды; д) введенъ прокурорскій надзоръ на тѣхъ началахъ, на какихъ онъ существуетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ судебныя учрежденія прежняго устройства.

Кромѣ того Положеніе 12 іюня: 1) упразднило существовавшую въ краѣ нотаріальную часть, на началахъ нотаріальнаго положенія введенную распоряженіемъ генераль-губернатора; 2) упразднило существовавшія немногія должности судебныхъ приставовъ, также учрежденныя властью генераль-губернатора; 3) установило подсудность уголовныхъ дѣлъ между туземцами разныхъ національностей не русскому суду, какъ это было до 1 января 1887 года, а суду народному; 4) преподало мировымъ судьямъ и областнымъ судамъ (какъ сѣзду мировыхъ судей) правила, во многихъ случаяхъ существенно не согласныя съ судебными уставами, и 5) ввело судебныя пошлины и сборъ съ бумаги по дѣламъ мирового разбирательства.

Затѣмъ, Положеніемъ 12 іюня, окончательно даровано краю общее гражданское устройство, съ нѣкоторыми, незначительными, отступленіями отъ порядковъ, дѣйствующихъ въ прочихъ частяхъ имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ край оставленъ въ вѣдѣніи военнаго министерства. Части учебная, таможенная, контрольная, судебная, финансовая и почтово-телеграфная подчинены, по принадлежности, своимъ министерствамъ.

Этотъ, въ настоящее время, уже не единственный примѣръ ²⁾ подчиненія военному министерству учреждений и лицъ цѣлаго

¹⁾ Прежде состоявшихъ въ вѣдѣніи полиціи.

²⁾ Области войска Донскаго, Кубанская и Терская.

края, дѣйствующихъ на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, представляется все таки исключительнымъ.

Какія именно причины вызвали такую организацію административныхъ учрежденій края, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвали и обремененіе военнаго министерства заботами объ устройствѣ гражданскихъ порядковъ обширной среднеазиатской окраины, мы не имѣемъ свѣдѣній, но замѣтимъ лишь, что съ возложеніемъ на военное министерство заботъ по гражданскому управленію Туркестаномъ, положеніе этого министерства представляется болѣе чѣмъ гдѣ либо затруднительнымъ, потому что одновременно съ окончательнымъ оставленіемъ края въ вѣдѣніи министерства, только впервые организуется въ краѣ поземельно-податное устройство, вводится городовое хозяйство, опредѣляются права состоянія населенія, приводятся въ извѣстность и берутся въ завѣдываніе государственныя земли и имущества и, вообще, впервые даруется краю правильное гражданское устройство.

Съ одной стороны является какъ бы очевиднымъ, что край считается совершенно умиротвореннымъ, если къ нему примѣнено общее гражданское устройство имперіи, и повидимому, даже нисколько не опасаются взрыва мусульманскаго фанатизма, если дѣйствовавшее доселѣ полувоенное управленіе прекращается и окончательно узаконяется гражданская организація страны, хотя бы и оставляемая въ вѣдѣніи военнаго министерства. Съ другой стороны нельзя, намъ кажется, сдѣлать и того предположенія, что въ данномъ случаѣ производится какой либо *опытъ* управленія народомъ посредствомъ военнаго министерства, но на основаніи гражданскихъ законовъ, такъ какъ Положеніе вводится не въ видѣ опыта, а окончательно и, притомъ, военное министерство слишкомъ обременено своими чисто военными задачами, чтобы еще заниматься подобными опытами, и потому истинная причина такой организаціи управленія Туркестана остается неизвѣстной ¹⁾.

Обращаясь къ самому существу состоявшагося въ краѣ преобразованія русскаго суда отмѣтимъ, прежде всего, его главныя отличія отъ общаго судебного порядка.

¹⁾ Въ объяснительной запискѣ государственнаго совѣта къ положенію сказано, что такое устройство предпочитается въ виду особыхъ условій, въ которыхъ находится край, а также потому, что населеніе привыкло подчиняться распоряженіямъ лицъ, облеченныхъ въ военные мундиры: Государственный совѣтъ признаетъ однако, такое устройство ненормальнымъ.

Эти главные отличія состоятъ въ слѣдующемъ: судебные уставы Императора Александра II не введены, исключая устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а также нѣкоторыхъ статей уставовъ уголовного и гражданского судопроизводства и именно тѣхъ, которыя касаются процессуальныхъ порядковъ въ мировыхъ учрежденіяхъ и областныхъ судахъ, какъ то: порядка принятія прошеній и апелляціонныхъ жалобъ, оцѣнки показаній свидѣтелей и обыскныхъ людей (256—258, 260—270, 745—747, 755, 756, 409—411, 437 уст. гражд. судопр.).

Вмѣсто общихъ судебныхъ учрежденій (по уставамъ) введены, по типу судовъ прежняго устройства, областные суды, съ правами и обязанностями бывшихъ соединенныхъ палатъ, но съ прибавленіемъ еще и обязанностей сѣздовъ мировыхъ судей ¹⁾.

Какъ учрежденіямъ, совмѣщающимъ въ себѣ суды стараго и новаго устройства, областнымъ судамъ преподаны въ руководство частью судебные уставы, частью правила, коими руководствуются суды прежняго устройства.

Такое совмѣщеніе порядковъ старыхъ съ новыми, введеніе, одновременно, процессуальныхъ правилъ и по судебнымъ уставамъ и по томамъ десятому и пятнадцатому, да притомъ еще съ отступленіями какъ отъ судебныхъ уставовъ, такъ и старыхъ процессуальныхъ порядковъ, представляетъ, сколько извѣстно, единственный примѣръ въ Россіи, ибо донинѣ вводились или судебные уставы, или судебные уставы съ изыятіями (напр. Кавказъ), или вводились одни мировыя учрежденія, отдѣльно отъ общихъ, или, наконецъ, оставлялись полностью старыя учрежденія или, какъ сказано въ законѣ, „суды прежняго устройства“.

Положеніемъ 12 іюня введена, въ среднеазиатскихъ владѣніяхъ Россіи, еще одна разновидность судебного порядка, а именно: введены и судебные уставы съ изыятіями и вновь введены суды стараго устройства, также съ отступленіями отъ своего первоначальнаго типа.

Не будемъ утверждать, но можемъ догадываться, что по всѣмъ вѣроятіямъ истинной причиной введенія въ Туркестанскомъ краѣ такихъ, а не иныхъ судебныхъ порядковъ, послужили отчасти соображенія экономическія, отчасти такъ называемыя мѣстныя усло-

¹⁾ Обязанности коммерческихъ судовъ входили также въ предметъ вѣдомства соединенныхъ палатъ.

вія. Этими мѣстными условіями представляющимися, какъ извѣстно, съ мѣстныхъ точекъ зрѣнія, всегда болѣе или менѣе исключительными, всегда болѣе или менѣе оправдываются всякія отступленія отъ общихъ законовъ, порядковъ и нормъ. Замѣтимъ однако, что съ какихъ бы мѣстныхъ точекъ зрѣнія ни смотрѣть на дѣло правосудія, трудно представить себѣ такія исключительныя мѣстныя условія, которыя оправдывали бы введеніе судебныхъ порядковъ, повсюду отмѣняемыхъ или измѣняемыхъ и признанныхъ, еще 25 лѣтъ назадъ, несовершенно и невозможными къ дальнѣйшему существованію.

Такъ или иначе, но необходимо отмѣтить фактъ, что старые порядки, почти повсемѣстно упраздненные, и остающіеся еще въ немногихъ мѣстностяхъ, отъ которыхъ эти мѣстности ожидаютъ очереди избавиться и получить судебныя уставы, введены опять въ Туркестанскомъ краѣ.

Если затѣмъ поставить вопросъ: можетъ ли считаться вообще шагомъ впередъ и можетъ ли признаваться улучшеніемъ, по сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, это новое устройство судной части, то было бы крайне затруднительно отвѣтить на этотъ вопросъ болѣе или менѣе рѣшительнымъ да или нѣтъ, и изъ нижеизложеннаго можно убѣдиться, что самый правильный отвѣтъ на предложенный вопросъ будетъ ни да, ни нѣтъ.

Говоря вообще, новая судебная организація Туркестанскаго края составляетъ довольно точный снимокъ съ кавказскихъ судебныхъ порядковъ. Та же смѣсь учрежденій мировыхъ съ общими, тѣ же неопредѣленныя должности въ родѣ помощниковъ мировыхъ судей, такая же бѣдность личнаго состава и, къ сожалѣнію, такая же бѣдная и неудовлетворительная постановка слѣдственной части.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что по сравненіи съ прежде дѣйствовавшими здѣсь порядками, все таки введены, особенно въ отношеніи судоустройства, довольно существенныя измѣненія, долженствующія несомнѣнно улучшить, въ общемъ, положеніе въ краѣ судебной части; что же касается до части судопроизводственной, то хотя и въ этомъ отношеніи сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, но они теряютъ часть своихъ достоинствъ въ виду допущенныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно многихъ нововведеній, едва ли достаточно оправдываемыхъ какими бы то ни было обстоятельствами, и, въ особенности, мѣстными условіями, хотя нельзя сомнѣваться,

что всѣ эти нововведенія сдѣланы именно во имя этихъ мѣстныхъ условій.

Собственно къ улучшеніямъ по русскому судоустройству нужно отнести: 1) введеніе трехъ судовъ вмѣсто существовавшихъ, на весь громадный Туркестанскій край, двухъ; 2) передача уголовныхъ дѣлъ на рѣшеніе правильно организованныхъ судовъ вмѣсто военно-судныхъ комиссій, являющихся повсюду, съ своимъ допотопнымъ устройствомъ, какимъ то анахронизмомъ; 3) нѣкоторое уменьшеніе компетенціи народныхъ судовъ, что вообще придало правосудію нѣсколько большую устойчивость; 4) отдѣленіе суда отъ администраціи; 5) учрежденіе прокурорскаго надзора; 6) улучшение надзора за дѣйствіями судовъ первой степени (т. е. мировыхъ); 7) нѣкоторое улучшеніе въ положеніи слѣдственной части; 8) распространеніе компетенціи мировыхъ учреждений на всѣ сословія (140 ст. полож.).

Напротивъ, отнюдь не могутъ считаться направленными къ улучшенію, а частью даже содѣйствуютъ къ ухудшенію постановки русскаго суда такія мѣры, какъ напримѣръ: а) уничтоженіе нотаріальной части и возвращенія къ старому порядку совершенія крѣпостныхъ актовъ; б) уничтоженіе уже существовавшихъ, хотя и не вездѣ, судебныхъ приставовъ и повсемѣстная передача исполненія судебныхъ рѣшеній въ руки полиціи, причемъ исполненіе рѣшеній по мировымъ дѣламъ установлено на основаніи ст. 518—524 т. X ч. 2; в) введеніе института только частныхъ, а не присяжныхъ повѣренныхъ; г) неудовлетворительная постановка мѣстныхъ слѣдователей въ служебномъ и матеріальномъ отношеніи, что лишаетъ возможности привлекать на эти мѣста людей солидныхъ и знающихъ; д) совершенное недопущеніе кассационныхъ жалобъ по дѣламъ гражданскимъ мирового разбирательства и такое сокращеніе кассационныхъ поводовъ по дѣламъ уголовнымъ, какое равняется полному лишенію сторонъ права кассации, и е) допущеніе вмѣшательства прокуратуры съ протестами по всѣмъ дѣламъ мирового разбирательства (ст. 149).

Таковы существенныя измѣненія въ устройствѣ русскаго суда.

Въ организаціи народнаго суда Положеніе 12 іюня, прежде всего, упразднило названіе біевъ и казіевъ, наименовавъ тѣхъ и другихъ общимъ именемъ „народныхъ судей“. Противъ такого переименованія, конечно, спорить нечего и оно даже имѣетъ свою хорошую сторону, не узаконяя нерусскихъ наименованій судеб-

ныхъ должностей и заставляя населеніе постепенно забывать ихъ прежній судебный строй. Но съ упраздненіемъ мѣстныхъ названій нельзя было упразднить существующее коренное различіе двухъ видовъ народнаго правосудія: шаріатскаго — по корану и адатнаго — по обычаю. Положеніе 12 іюня, однако, сдѣлало довольно рѣшительную попытку сдѣлать это упраздненіе. Оно упустило изъ виду коренное различіе бійскаго и казійскаго суда и ввело, непримѣнимый на практикѣ, порядокъ, а именно: опредѣленіе подсудности дѣлъ не по національностямъ спорящихъ и тяжущихся (киргизскій судъ или сартовскій), какъ было прежде, а какъ бы не признавая различія національностей, установило одно общее правило о подсудности для всѣхъ туземцевъ. По статьѣ 212 Положенія 12 іюня уголовныя дѣла туземцевъ вѣдаются по мѣсту совершенія преступленія, а дѣла гражданскія — по мѣсту жительства отвѣтчика, независимо отъ того, къ какой національности принадлежатъ спорящіе или тяжущіеся. Простота и ясность сего опредѣленія не составляетъ однако его достоинства, такъ какъ суды — сартовскій и киргизскій — настолько существенно различны между собою и начала того и другаго исходятъ изъ столь несходныхъ основаній, что практически правило, изложенное въ ст. 212 Положенія, вмѣсто простоты, создало большую путаницу.

Это правило приводитъ, напр., къ такимъ результатамъ: а) если мѣсто происшествія или преступленія находится въ районѣ бійскаго суда (по обычаю), то два сарта, совершившіе это преступленіе, подлежатъ вѣдѣнію этого суда, между тѣмъ какъ сарты не признають суда по обычаю и знаютъ судъ по шаріату; б) если дѣло происходитъ между сартомъ и киргизомъ (уголовное), то, въ виду кореннаго правила о подсудности по мѣсту совершенія преступленія, придется или сарту судиться у биевъ или киргизу — у казіевъ, что также противорѣчитъ основнымъ положеніямъ о различіи двухъ существующихъ народныхъ судовъ.

Это постановленіе есть первая ошибка новаго Положенія и хотя уже обнаружившаяся практически несостоятельность этого постановленія вызвала много разъясненій, порядочно затемнившихъ дѣло, но можно надѣяться, что это, конечно временное, неудобство будетъ устранено.

Гораздо болѣе серьезной ошибкой слѣдуетъ, по мнѣнію нашему, считать непомѣрно обширную юрисдикцію народныхъ судовъ и ту, все таки, слишкомъ широкую власть, которая имъ предоставлена,

несмотря на изытія многихъ дѣлъ изъ прежней подсудности ихъ народнымъ судамъ. Именно—эта громадная власть народныхъ судовъ и есть, по нашему мнѣнію, то великое зло, которое прежде всего подлежало бы ослабить, а для этого слѣдовало значительно и немедленно сократить подсудность дѣлъ, вѣдаемыхъ народными судами, если только нѣтъ желанія породить, во многихъ случаяхъ, вопіющую безнаказанность и воспитать народъ на шаткихъ началахъ бійскихъ и казійскихъ мудрствованій.

Чтобы покончить съ общимъ характеромъ всѣхъ реформъ по судоустройству, согласно Положенія 12 іюня, укажемъ еще нѣкоторыя нововведенія, которыя не обѣщаютъ хорошихъ результатовъ и, самое главное, не вызываются и не объясняются ни мѣстными, ни какими либо иными причинами.

Сюда слѣдуетъ отнести: 1) совершенно особенный порядокъ отмѣны приговоровъ народныхъ судовъ по протестамъ прокуроровъ (ст. 216); 2) недостаточность и даже полное отсутствіе контроля за поступленіемъ денежныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ въ народныхъ судахъ (ст. 217 и 220); 3) непонятное право, „предоставленное“ народнымъ судьямъ свидѣтельствовать и выдавать разнаго рода акты и договоры ¹⁾ (ст. 235 и 236); 4) весьма неудовлетворительное устройство опекунской части, ввѣряемой народнымъ судьямъ почти безконтрольно (ст. 254).

Изъ перечисленныхъ выше судоустройственныхъ нововведеній, какъ по русскому, такъ и по народному суду, введеніе трехъ областныхъ судовъ, вмѣсто прежде существовавшихъ двухъ, объясняется, главнымъ образомъ, созданіемъ въ краѣ третьей области—Самаркандской, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что учрежденіе третьяго суда, создавъ значительныя удобства собственно для жителей этой, сравнительно менѣе обширной, области, нисколько не улучшаетъ положенія, соприкасающагося съ областью, обширнаго Аму-Дарьинскаго отдѣла, подчиняющагося нынѣ, какъ и прежде, сырь-дарьинскому суду, отъ котораго онъ отдѣленъ разстояніемъ въ 1500 верстъ, при отсутствіи правильнаго почтоваго сообщенія ²⁾, между тѣмъ какъ по территоріальнымъ условіямъ слѣдовало бы отдѣлу этому, въ судебномъ отношеніи, подчиняться не сырь-дарьинскому суду, а самаркандскому.

¹⁾ Если это право истекаетъ изъ шаріата или адата, то оно уже принадлежитъ народнымъ судьямъ.

²⁾ Телеграфная линія существуетъ съ 1890 г.

Затѣмъ, нѣкоторое улучшеніе надзора за мировыми судьями, введеніе прокурорскаго надзора, отдѣленіе суда отъ администраціи, нѣкоторое уменьшеніе компетенціи народнаго суда и окончательное изыятіе уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія военно-судныхъ комисій составляютъ безспорныя улучшенія, вводимыя Положеніемъ 12 іюня.

Къ сожалѣнію, въ отношеніи судопроизводственныхъ нововведеній въ Положеніи 12 іюня встрѣчаются такія, которыя никакъ не могутъ быть отнесены къ разряду улучшеній и достоинство коихъ сомнительно. Всѣ эти нововведенія, за малыми исключеніями, относятся преимущественно до дѣлъ мировой юстиціи. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе обращаютъ слѣдующія: а) допущеніе разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ безъ бытности обѣихъ сторонъ (ст. 185); б) недопущеніе отзывовъ на заочныя рѣшенія отдѣльно отъ апелляцій (ст. 149); в) возвращеніе для вторичнаго разсмотрѣнія дѣлъ тѣмъ же судьямъ, рѣшенія которыхъ отмѣнены (ст. 158); г) обязательность для областнаго суда, по дѣламъ мирового разбирательства, вызывать къ разбору свидѣтелей только изъ ближайшихъ уѣздовъ (ст. 156); д) объявленіе неявляющимся въ слушанію дѣла сторонамъ рѣшеній посредствомъ послышки копій, съ исчисленіемъ срока на обжалованіе со дня врученія оной (ст. 181), а не со дня объявленія рѣшенія; е) признаніе кассационнымъ поводомъ по дѣламъ уголовнымъ только нарушеній предѣловъ вѣдомства и власти (ст. 158) и непризнаніе таковымъ поводомъ нарушеній существенныхъ обрядовъ и формъ судопроизводства и, затѣмъ, недопущеніе никакихъ кассационныхъ поводовъ по дѣламъ гражданскимъ ¹⁾.

Насколько можно догадываться, главнѣйшими причинами такихъ существенныхъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ въ ихъ, такъ сказать, чистомъ видѣ и даже отъ такъ называемыхъ уставовъ съ изыятіями (какъ напр. на Кавказѣ), послужили, прежде всего, соображенія относительно обширности территоріи Туркестанскаго края, скудности личнаго состава судей и желаніе, допущенными изъ повсемѣстно дѣйствующихъ правилъ изыятіями, избѣгнуть напрасныхъ проволочекъ въ рѣшеніи дѣлъ.

¹⁾ Отмѣна этихъ рѣшеній допускается только въ случаяхъ просьбъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ, и въ случаѣ открытія новыхъ обстоятельствъ или подлога въ актахъ (ст. 185 пп. 2 и 3, 187, 188 уст. гражд. судопр.).

Какъ однако ни почтенны побужденія, вызвавшія эти отступленія отъ общаго порядка, нельзя не спросить—основательно ли дѣлать подобныя отступленія во имя какихъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе приведенныхъ выше соображеній, и на вопросъ этотъ слѣдуетъ отвѣтить не иначе, какъ отрицательно. Такія нововведенія, какъ напримѣръ разсмотрѣніе дѣлъ безъ бытности сторонъ, или лишеніе права подавать отзывы на заочныя рѣшенія, или предоставленіе особаго преимущества дѣламъ ближайшихъ раіоновъ по вызову свидѣтелей ¹⁾, или вторичное разсмотрѣніе дѣлъ, по коимъ отмѣнены рѣшенія тѣми же судьями, рѣшенія которыхъ отмѣнены, или исключеніе изъ числа кассационныхъ поводовъ такого повода, какъ нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства ²⁾, не могутъ быть объяснимы и оправданы рѣшительно ничѣмъ, а тѣмъ болѣе соображеніями о разстояніяхъ, недостаткѣ личнаго состава, опасеніями провожачекъ и т. д.

Въ особенности, едва ли возможно оправдать эти нововведенія ссылкой на громадныя разстоянія Туркестанскаго края, ибо эти естественныя, такъ сказать, условія страны, вмѣсто смягченія ихъ зловреднаго характера соотвѣтственными мѣрами, какъ бы являются оправданіемъ въ допущеніи такихъ порядковъ, которые еще ухудшаютъ положеніе, вызываемое этими естественными препятствіями. Вмѣсто того, чтобы ослабить дѣйствіе этихъ естественныхъ причинъ и увеличить, напримѣръ, личный составъ судей и количество судебныхъ раіоновъ, жителямъ этой страны, какъ бы, говорятъ: такъ какъ разстоянія до центра міроваго разбирательства слишкомъ громадны, то, поэтому, вы лишаетесь права ссылаться на свидѣтелей, ибо они не могутъ быть вызваны по дальности разстоянія, а также лишаетесь права обжаловать существенныя нарушенія обрядовъ судопроизводства, ибо устройство кассационной инстанціи и дорого и неудобно и, наконецъ, лишаетесь

¹⁾ Практически это правило особенно несправедливо по отношенію къ незначительнымъ, по пространству, областямъ Ферганской и Самаркандской. Тамъ не было бы никакого затрудненія вызывать свидѣтелей не изъ однихъ только ближайшихъ, а изъ всѣхъ уѣздовъ, и, напротивъ, въ Сыръ-Дарьинской области вызывъ свидѣтелей изъ ближайшихъ уѣздовъ можетъ повлечь за собою передвиженіе за 300—350 верстъ, такъ какъ дальнѣйшіе уѣзды отстоятъ отъ суда на 500—1000 верстъ.

²⁾ Напримѣръ, разсмотрѣніе дѣлъ безъ вызова сторонъ, безъ достаточныхъ полномочій повѣреннаго и т. д.

привилегіи судиться у судьи, неимѣющаго предвзятаго взгляда на ваше дѣло, такъ какъ другой судья слишкомъ отдаленъ отъ вашего мѣстожителства и т. д.

Полагаемъ, что всѣ такіа нововведенія привѣтствовать нельзя и что уже одно дарованіе нѣкоторыхъ преимуществъ дѣламъ ближайшихъ уѣздовъ противно не только принципу суда, равнаго для всѣхъ, но и самой простой справедливости.

Многочисленныя изъятія изъ судебныхъ уставовъ, допущенныя на другой русской окраинѣ, именно на Кавказѣ, уже доказали, въ большинствѣ случаевъ, свою несостоятельность. Практика почти двадцатипятилѣтняго существованія этихъ изъятій выяснила, что они, вообще говоря, не вызываются и, слѣдовательно, не оправдываются тѣми мѣстными условіями, во имя которыхъ они сдѣланы, и что эти изъятія нисколько не способствовали лучшей постановкѣ правосудія на Кавказѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ и Туркестанскому краю придется подтвердить этотъ выводъ, а теперь можно лишь сказать, что увеличеніе числа этихъ изъятій, созданіе, кромѣ кавказскихъ изъятій, еще собственныхъ, туркестанскихъ, не оправдываются нисколько мѣстными туркестанскими условіями.

Относительно дѣлъ, подсудныхъ областнымъ судамъ, можно вообще сказать, что, по сравненію съ прежде дѣйствовавшимъ порядкомъ, дѣла гражданскія (неподлежащія мировому разбирательству) остались въ томъ же положеніи, какъ и до реформы, и все измѣненіе заключается въ примѣніи нѣсколькихъ статей о порядкѣ подачи прошеній и апелляціонныхъ жалобъ (ст. 250—258, 260—270, 745—747, 755, 756 устава гражд. судопр.) и четырехъ статей (409—411, 437 устава гражд. судопр.) объ оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, не считая, впрочемъ, того преимущества, что дѣла эти будутъ рѣшаться нѣсколько скорѣе и притомъ судьями не изъ административныхъ чиновниковъ, а лицами, специально приставленными къ этому дѣлу. По дѣламъ же уголовнымъ, подсуднымъ областнымъ судамъ, сдѣлано, во первыхъ, то весьма существенное улучшеніе, что устранена формальная оцѣнка доказательствъ и установлено опредѣлять силу уликъ по внутреннему убѣжденію судей, а во вторыхъ, отмѣнено оставленіе обвиняемаго въ подозрѣніи и очистительная присяга. Но эти два пункта улучшеній, какъ они ни существенны, не измѣняютъ основныхъ началъ судовъ прежняго устройства и, во всѣхъ прочихъ

отношеніяхъ, нашъ новый туркестанскій судъ остался тѣмъ же негласнымъ, бумажнымъ, келейнымъ и устарѣлымъ судомъ, какимъ онъ былъ до 1 января 1887 года.

По поводу переустройства такъ называемаго народнаго суда, необходимо также сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Мнѣніе о необходимости сохраненія народныхъ или, вѣрнѣе, инородческихъ судовъ, во всей ихъ неприкосновенности, имѣетъ многихъ убѣжденныхъ сторонниковъ.

Выше уже было не разъ указано, что многіе компетентные правители края, опытные администраторы и знатоки туземнаго быта склонялись къ убѣжденію сохранить народный судъ, но сохранить, по возможности, во всей его патріархальной чистотѣ и неприкосновенности.

„Мусульманское право“, „мусульманскіе законы“, шаріатъ и пр. и пр. выставались этими сторонниками народныхъ судовъ какъ нѣчто твердое, опредѣленное и ясное. Въ новѣйшемъ сочиненіи Ле-Бона (Цивилизація Индіи) высказано даже, „что единственная возможность экономически эксплуатировать страну, не возбуждая ропота народа—это не нарушать ихъ стараго управленія, привычекъ, вѣрованій и оставить прежнюю администрацію и судопроизводство“.

Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, самое допущеніе народнаго суда, будетъ ли это на началахъ обычая и преданія, или на началахъ религіозныхъ основъ корана, слѣдуетъ признавать не болѣе какъ за неизбежное зло, какъ за порядокъ временный и переходный, оправдываемый преимущественно соображеніями государственной экономіи, но порядокъ, отнюдь не могущій содѣйствовать преуспѣнію правосудія и водворенію среди туземцевъ законности и правильнаго суда ¹⁾).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что судъ для всѣхъ подданныхъ государства долженъ быть единый, основанный на законѣ, обязательномъ для всѣхъ и ни на чемъ болѣе; что судъ долженъ быть отправляемъ отъ лица Императорскаго Величества; что судъ не долженъ быть орудіемъ страстей; что онъ призванъ развивать гражданское самосознаніе; что въ правильномъ его отправленіи заинтересованы всѣ, а потому онъ долженъ быть для всѣхъ оди-

¹⁾ Экономическая эксплуатація края еще не начиналась. Край не даетъ пока средствъ даже на собственное управленіе. Понинѣ государственное казначейство ежегодно приплачиваетъ до полутора милліона руб. на содержаніе края.

наковъ, равенъ, нелицепріятель, доступенъ и дешевъ. Все это, конечно, нисколько не исключаетъ признанія мѣстныхъ особенностей, а также признанія значительной роли обычаевъ въ жизни каждаго, а тѣмъ болѣе нецивилизованнаго народа.

Оправдывать устройство какихъ либо совершенно самостоятельныхъ, мѣстныхъ, инородческихъ судовъ особенностями страны, климата, религіи и обычаевъ можно лишь настолько, насколько это не противорѣчитъ общему теченію государственной жизни; дѣлать же отступленія отъ общаго закона преимущественно только ради менѣ важныхъ дѣлъ, коими, какъ извѣстно, обыкновенно и занимаются народные суды, является, кромѣ того, и непродуктивнымъ, ибо если уже признавать могущественное дѣйствіе мѣстныхъ условий, то, казалось бы, признавать ихъ нужно всецѣло, признавать преимущественно въ дѣлахъ важныхъ, а не только въ мелочахъ повседневной жизни.

Общепризнанный фактъ, что всякій народный судъ, лежитъ ли въ основаніи его устный или письменный обычай, прежде всего намъ извѣстенъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ и, насколько намъ доступна оцѣнка сего суда, онъ не только не зиждется на какихъ либо прочныхъ основахъ, но весь построенъ отнюдь не на началахъ правды и справедливости, а на началахъ произвольнаго толкованія корана или дѣдовскихъ обычаевъ, т. е. всегда на началахъ болѣе или менѣ грубаго произвола, пристрастія, кумовства, подкупа, лихоимства и всякой неправды.

Такое заключеніе и теперь и прежде находило и находить себѣ вѣсское подтвержденіе и въ Туркестанѣ.

Вводя, терпя или допуская народные суды, обыкновенно исходятъ изъ того положенія, что судъ долженъ согласоваться съ понятіями народа, что онъ не долженъ нарушать его религіозныхъ вѣрованій но и не заключать въ себѣ началъ, явно вредныхъ для государства, и что онъ долженъ быть простъ и понятенъ. Все это вѣрно, но однако само собою разумѣется, что всѣ эти, такъ называемыя, уступки народной жизни, должны имѣть весьма опредѣленныя границы.

Является даже болѣе серьезный вопросъ. Что такое, въ дѣйствительности, народный судъ въ Средней Азіи и заслуживаетъ ли онъ такого довѣрія русской власти, чтобы быть оставленнымъ почти на тѣхъ же основаніяхъ какимъ онъ былъ въ оныя времена ханскаго владычества и деспотизма?

Никто вѣроятно, не станетъ оспаривать, что съ древнѣйшихъ временъ и по настоящее время священные завѣты корана нерѣдко также приносились въ жертву человѣческой алчности, корыстолюбію и невѣжеству, какъ нарушались повсюду законы не столь священнаго происхожденія. Какъ бы ни были прекрасны основные принципы корана, но правосудіе всегда зависѣло не отъ этихъ принциповъ, а находилось въ рукахъ толкователей корана или толкователей мѣстнаго обычая и, благодаря этимъ толкованіямъ, а въ особенности самимъ толкователямъ, сильнѣйшій и богатый часто, слишкомъ даже часто, попиравъ слабого и бѣднаго. Это положеніе, совершенно вѣрное по отношенію къ временамъ такъ называемаго мусульманскаго владычества,—вѣрно сугубо въ примѣненіи къ временамъ позднѣйшимъ, когда мусульманскихъ правителей уже нѣтъ, никакого контроля этихъ правителей надъ правосудіемъ не существуетъ и, по мнѣнію самихъ правовѣрныхъ сыновъ ислама, настало царство „кафировъ“, „господство невѣрныхъ“.

Кто не согласится съ тѣмъ, что положеніе правосудія должно быть признаваемо одинаково печальнымъ вездѣ, гдѣ оно отправляется не независимыми, самостоятельными, проникнутыми сознаниемъ долга и справедливости, мужественными духомъ судьями, а или зависимыми бѣдняками, подавленными членами міра, или вліятельными беками-деспотами. Въ такихъ странахъ, само собою разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть желаннаго для всѣхъ равенства предъ судомъ.

Въ силу политическаго устройства средне-азіатскихъ странъ, болѣе могущественные азіатскіе владыки и деспоты поглощали владыкъ и деспотовъ менѣе могущественныхъ и гдѣ всегда преобладала сила и деспотизмъ, тамъ уже, само собою, должно было быть и дѣйствительно было—безсудье, безправіе.

Въ основѣ всей жизни тамъ лежало невѣжество, дикость, насиліе, фанатизмъ; общественная мораль не казнила лихоимцевъ-судей, торговавшихъ правосудіемъ. Азіатскій народный судья также мало стремился содѣйствовать торжеству правды и справедливости, какъ мало сему содѣйствовалъ и содѣйствуетъ всякій другой народный судья. Всякій судья изъ народа, подъ какимъ бы градусомъ широты онъ ни дѣйствовалъ, не опирающійся въ своей дѣятельности на законъ и начала нравственности, одинаково склоненъ къ произволу и кривосуду и откуда же, спрашивается, могъ

набраться болѣе высокихъ принциповъ азіатскій народный судья, видѣвшій лишь проявленія деспотизма, всегда болѣе хлопотавшій о прочности своего доходнаго мѣста, чѣмъ о торжествѣ истины и стремившійся къ увеличенію своего благосостоянія, привлекая на свою сторону лицъ богатыхъ и вліятельныхъ и упрочивая тѣмъ свое положеніе?

Несмотря на очевидную безспорность этого положенія, еще многіе считаютъ необходимою сохраненіе народныхъ судовъ и необходимость этого, многими, доселѣ признается за неоспоримую истину, признается за аксіому. Исходя только изъ того соображенія, что тотъ судъ есть наилучшій, который стоитъ ближе къ населенію, приноровленъ къ его понятіямъ и согласованъ съ условіями его быта.— сторонники народныхъ судовъ, не колеблясь, оставляютъ такую важнѣйшую функцію общественной и государственной жизни—какъ отправление правосудія, всецѣло въ рукахъ народа.

И между государственными людьми находились такіе, у которыхъ вѣра въ необходимость народныхъ судовъ и довѣріе къ народному правосудію были полныя. Подчасъ пораженные такими, не отдѣльными только рѣшеніями народного суда, въ которыхъ проглядывало вопіющее нарушеніе самой элементарной справедливости, а общей, совершенно невозможной постановкой народного правосудія, защитники этого суда старались все-таки не смущаться этимъ, потому что такъ-де, вѣроятно, слѣдовало или по обычаю или по шаріату и, что должно быть, уже таковъ мѣстный порядокъ.

Все, что признавалось возможнымъ сдѣлать, въ отступленіе отъ существовавшихъ до нашего прихода этихъ мѣстныхъ порядковъ, это—нѣсколько, и то весьма немного, сократить власть биевъ и казіевъ ¹⁾).

Но теоретическое представленіе о необходимости сохраненія народного суда, во всей его неприкосновенности, нигдѣ не выдерживало и здѣсь не выдержало самаго короткаго практическаго испытанія. Многія явныя несообразности этого суда обнаружались съ такою быстротою и ясностью, что теоретическія попытки не-

¹⁾ Прежде они имѣли право приговаривать къ смерти и увѣчь; Положеніе же 11 іюля 1867 г. (проектъ) предоставило имъ право, штрафовать, держать подъ арестомъ и ссыла въ Сибирь, безъ всякихъ ограниченій срока (примѣч. къ § 232 проекта),—но отняло право казнить и увѣчить.

вмѣшательства русской власти въ отправленіе народнаго правосудія оказались несостоятельными. Можно сколько угодно доказывать неприкосновенность народнаго суда, неизбежность и святость такъ называемаго обычая, но, при первомъ столкновеніи съ практическими результатами народнаго правосудія, приходится признать, что невмѣшательство или положительно невозможно или что оно возможно только до извѣстной степени и что, во всякомъ случаѣ, оно т. е. невмѣшательство несравненно зловреднѣе, чѣмъ самое полное вмѣшательство.

Это подтвердилось и при первомъ соприкосновеніи русской власти съ народнымъ правосудіемъ.

Соприкосновенія этого нельзя было избѣгнуть. Не могла же ни русская власть вообще, ни, въ частности, русскіе чиновники, проникнуться взглядами, несвойственными людямъ цивилизованнымъ и не могли мириться съ тѣми, на цивилизованный взглядъ, слишкомъ явными несообразностями народнаго правосудія, которыя совершались предъ ними, а потому, съ первыхъ же дней введенія народнаго суда, появились и русскія поправки.

Извѣстно, напр., что понятіе объ инстанціяхъ несвойственно бійскому суду, между тѣмъ мы ввели эти инстанціи въ надеждѣ, что этимъ путемъ будутъ исправляться рѣшенія одиночныхъ биевъ. Также извѣстно, что уѣзднымъ начальникамъ было предоставлено право разбирать (только у киргизъ) дѣла брачныя, и хотя предоставленіе этого права объясняется, также, добрымъ желаніемъ смягчить грубость обычая и улучшить положеніе киргизской женщины ¹⁾, но самый фактъ вмѣшательства русскаго чиновника въ такую интимную сферу народной жизни уже извращалъ постановку всего народнаго мусульманскаго суда въ существенныхъ его частяхъ. Извѣстно, наконецъ, что русская администрація, всегда и вездѣ, на Кавказѣ какъ и въ Туркестанѣ, руководимая просто добрымъ желаніемъ, по мѣрѣ своей власти и вліянія, улучшить положеніе народнаго правосудія, безъ церемоніи измѣняла приговоры народныхъ судовъ и перевершала ихъ по своему разумѣнію.

Ко всѣмъ проявленіямъ подобнаго вмѣшательства русской власти въ народное правосудіе слѣдуетъ относиться безъ всякаго

¹⁾ Женщину сартовскую мы не рѣшились взять подъ свое покровительство, хотя она угнетена гораздо болѣе чѣмъ киргизка.

удивленія. Положимъ, что, большею частью, поводомъ къ такимъ передѣлкамъ приговоровъ и перевершенію дѣлъ служило то соображеніе, что за соотвѣтственное преступленіе, по русскимъ законамъ, полагалось наказаніе гораздо болѣе слабое или болѣе сильное чѣмъ то, къ которому присуждали бѣи или казіи, но такъ разсуждая и дѣйствуя, русская власть какъ бы отнимала одною рукою то что давала другою,—и хотя, вообще, тутъ руководило стремленіе къ достиженію рѣшеній справедливыхъ, и все таки справедливыхъ съ русской точки зрѣнія.

Ошибочно было бы думать, что такое вмѣшательство было капризомъ побѣдителя, фантазіей цивилизаторовъ. Самый фактъ оставленія въ Туркестанѣ народнаго суда, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ существовалъ до завоеванія края, наилучшимъ образомъ доказывалъ намѣреніе правительства сохранить и узаконить тѣ порядки, которые найдены въ краѣ; но по чувству простой справедливости, представители русской власти не могли примириться съ рѣшеніями народныхъ судовъ, и, вопреки закона, допускали тѣ поправки, о которыхъ сказано выше.

Такъ напр., необыкновенно обширныя права народныхъ судей налагать взысканія, согласно примѣчанія къ § 232 Проекта положенія 1867 г., просуществовавъ десять лѣтъ, были официально сокращены циркуляромъ генераль-губернатора 1877 г. № 1507, и этимъ же циркуляромъ было предоставлено губернаторамъ право, уже совершенно непонятно на какомъ основаніи, измѣнять всѣ приговоры суда, по которымъ наложено взысканіе свыше трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Это распоряженіе ясно показываетъ, какое большое недовѣріе уже давно стала проявлять русская власть къ рѣшеніямъ народныхъ судовъ и, какъ она, наконецъ, сочла себя вынужденной сократить права судей по наложенію взысканій, прежде почти безграничныя. Недовѣріе это сказалось, впрочемъ, еще ранѣе и еще болѣе рельефно, напримѣръ, хотя бы въ томъ, что прямо, вопреки дѣйствовавшаго Проекта положенія, уѣздные начальники (большинство) просто присвоили себѣ исключительное право принимать всѣ иски и заявленія, обращенныя въ народный судъ и, затѣмъ, уже отъ себя передавать ихъ на разрѣшеніе судей, такъ что во многихъ мѣстностяхъ, практически, установился такой порядокъ, что народные судьи не приступали къ рѣшенію дѣлъ до полученія приказанія уѣзднаго начальника.

Одна изъ несправедливостей народнаго суда (разумѣется съ русской точки зрѣнія)—уплата штрафа за виновныхъ родственниковъ неповинными ни въ чемъ ихъ родичами, также, не разъ, смущала русскую власть, вызвала сужденія о замѣнѣ этого порядка чѣмъ либо болѣе справедливымъ и т. д. и хотя, въ этомъ случаѣ, никакой поправки не было придумано, но голоса за отмѣну этой мѣры не переставали, и нынѣ не перестаютъ, раздаваться.

Такимъ образомъ, хотя народный судъ сохраненъ, по возможности, въ прежнемъ видѣ и тѣмъ вновь выражено къ нему, по крайней мѣрѣ официально, довѣріе, но если нѣсколько вникнуть въ новую организацію народнаго суда, то обнаружится, что одновременно съ узаконеніемъ этого суда какъ бы возбужденъ былъ вопросъ—заслуживаетъ ли судъ этотъ довѣрія и не требуетъ ли онъ какихъ либо коренныхъ поправокъ и измѣненій? Практически вопросъ этотъ уже давно разрѣшенъ положительно: въ видахъ уменьшенія зловреднаго дѣйствія этого суда были признаны необходимыми, не только разныя ограниченія и поправки, но и установленъ возможный, хоть за внѣшнею дѣятельностью народныхъ судей, контроль. Едва ли, впрочемъ, и могло быть сдѣлано иначе. Въ краѣ дѣйствуетъ свыше 1300 народныхъ судей и кто же эти судьи? Въ 1882 году въ одной Сыръ-Дарьинской области было свыше 750 ¹⁾ народныхъ судей, а именно—656 биевъ и 108 казіевъ (изъ 656 биевъ было только 80 грамотныхъ, казіи почти всѣ грамотны), и никакого, хоть сколько нибудь серьезнаго контроля за существомъ рѣшеній всей этой массы народныхъ судей установить было нельзя и, дѣйствительно, никакого контроля никогда не было и нѣтъ. Одинъ уже тотъ, всѣми видимый и всѣмъ извѣстный подкупъ при выборахъ биевъ и особенно казіевъ, который совершается воочію и, справедливо, наводитъ на размышленіе о характерѣ будущей дѣятельности тѣхъ судей, которые добились своего положенія столь нелегальнымъ образомъ, достаточно смущаетъ власть и давно заставлялъ подумывать о реорганизаціи народнаго суда. Но все, что для ослабленія этого зла было придумано—это было лишь систематическое сокращеніе числа казіевъ и биевъ (что практиковалось, напр., въ Сыръ-Дарьинской Области), хотя это могло только усилить размѣры подкуповъ, ибо, прежде, приходилось по казію чуть-ли не на каждый населенный

¹⁾ Нынѣ ихъ 897.

пунктъ, съ сокращеніемъ же ихъ числа, естественно, увеличивался районъ дѣятельности наличныхъ народныхъ судей и, такъ какъ, съ тѣхъ поръ, одинъ казій выбирается на цѣлую волость, а иногда и болѣе, то, слѣдовательно, мѣсто народного судьи стало доходнѣе, а потому погоня за этими мѣстами и подкупъ сдѣлались азартнѣе.

Въ 1881 году въ Туркестанѣ былъ официально возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли выборъ и назначеніе народныхъ судей предоставить администраціи и вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ отрицательно только потому, что правительство не захотѣло принять на себя отвѣтственности за назначеніе судей, если-бы они оказались неудачными, что было легко предвидѣть.

Степень просвѣщенія, на которой стоитъ Туркестанскій край, извѣстна. Сплошное мусульманское и полумусульманское ¹⁾ населеніе не признаетъ пока еще никакой европейской науки и въ своихъ „медресе“ и „мактабахъ“ никакихъ, кромѣ религіозныхъ, свѣдѣній не даетъ и не получаетъ. Населеніе представляетъ картину полного невѣжества, а кочевое, сверхъ того, сохранило и много старинной дикости. И вотъ, изъ этой-то невѣжественной толпы избирается свыше тысячи народныхъ судей, которымъ и предоставляется поддерживать порядокъ, охранять законъ, научать народъ, ограждать права населенія.

Какъ держалъ въ своихъ рукахъ, и какъ могъ держать, всѣмъ правосудію такой народный судъ—понятно само собою и нѣтъ надобности повторять еще разъ, что коль скоро власть надъ этой страной попала въ руки образованнаго правительства, то такой народный судъ, какой мы нашли, могъ и можетъ быть терпимъ только какъ временное зло; что допускать его существованіе можно только во имя сбереженія государственныхъ ресурсовъ, во имя снисхожденія къ прежнему устройству страны, ради мягкости и нежеланія дѣлать рѣзкіе переходы, однимъ словомъ—во имя чего угодно, но только никакъ не во имя установленія правильнаго правосудія.

Поэтому первая задача правительства по отношенію къ такому народному суду сводится къ тому, чтобы какъ можно менѣе расширять его компетенцію и, по возможности, ослаблять и регулировать причиняемое имъ зло.

¹⁾ Киргизъ нельзя считать истинными мусульманами.

Сами прежніе азіатскіе правители никогда не управляли страпою и не отправляли правосудія на основаніи какихъ-либо опредѣленныхъ данныхъ, или, просто говоря, на основаніи того, что мы называемъ и признаемъ закономъ. Тамъ не было ничего подобнаго: никакихъ кодексовъ, никакихъ болѣе или менѣе твердыхъ постановленій не существовало; безграничный произволь властителя или шаткія постановленія шаріата, или разнovidный, разнообразный, неуловимый обычай замѣнялъ законъ. Однимъ словомъ тамъ царило то, что мы называемъ произволомъ; тамъ не было ничего твердаго и опредѣленнаго и это то ничего, этотъ то произволь теперь мы, такъ сказать, закрѣпили и узаконили путемъ учрежденія народнаго суда.

Прежде, до занятія страны русскими, источникомъ для разьясненія всѣхъ правовыхъ вопросовъ служила или религія, или обычай. Толкователи религіозныхъ догматовъ и толкователи обычаевъ держали въ своихъ рукахъ и вѣсы правосудія. Отъ совершенія преступленій удерживалъ не карающій законъ, а религія и обычай. Религія и обычай также предусматривали и всѣ мелкія житейскія столкновенія и недоразумѣнія и опредѣляли, что дозволено и что воспрещено.

Въ силу особеннаго, чисто патріархальнаго строя средне-азіатской жизни, соблюденіе всѣхъ религіозныхъ требованій было прежде, во время хановъ, несравненно строже чѣмъ теперь. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ, и не вѣрить имъ нельзя, не только мусульманскіе писатели, но нѣкоторые изъ русскихъ изслѣдователей Туркестана. Но строгое соблюденіе преданій и обычаевъ, какъ оказывается по этимъ изслѣдованіямъ, достигалось главнымъ образомъ ни чѣмъ инымъ какъ палкою ¹⁾. „Палка эта, говорятъ Наливкины, была двухъ родовъ: вещественная и нравственная. Въ лицѣ первой явился „казы райсь“, въ лицѣ второй—общественное мнѣніе, надъ которымъ, чѣмъ то въ родѣ Дамоклова меча, висѣлъ тотъ же „райсь“, а надъ нимъ сонмъ книжниковъ и фарисеевъ“, т. е. толкователей корана и шаріата.

Казы-райсь или просто райсь или „покровитель вѣры“ обладалъ правомъ безапелляціоннаго рѣшенія всякаго дѣла. Съ этимъ правомъ было связано другое право—бить батогами или такъ называемой „дорогой“ ²⁾ всякаго провинившагося мусульманина. По-

¹⁾ Бить туземной женщины въ Ферганѣ, (стр. 36) В. и М. Наливкины.

²⁾ Ременная плеть, устроенная по указанію священныхъ книгъ.

кровителю вѣры было поручено вообще наблюдать за исполненіемъ вѣры, карать пьющихъ, наказывать обманщиковъ, разбирать супружескія несогласія, слѣдить за воспитаніемъ и т. д. Шаріатъ устанавливалъ, что всѣ грѣхи, не наказанные раисомъ, падаютъ на его голову, а потому раисы, не скупясь, отсчитывали удары „доры“, производя эту операцію на самомъ же мѣстѣ совершенія преступленія, не теряя времени на соблюденіе какихъ либо формальностей и не разбирая пола и времени ¹⁾).

Таковъ былъ характеръ отправленія правосудія у сартовъ. У киргизовъ, правда, не было раисовъ, покровитель вѣры тамъ не существовалъ и не внѣдрялъ батогами правилъ религіи, потому что и самая религія киргизовъ еще, можно сказать, совсѣмъ не установилась, даже и понынѣ, но вмѣсто произвола раиса у киргизъ царилъ не меньшій произволъ обычая.

Въ сферѣ уголовныхъ нарушеній царилъ какъ у киргизъ, такъ и у сартовъ самосудъ, самоуправство, произволъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ царилъ не меньшій произволъ, объяснявшійся частью обычаемъ, частью шаріатомъ.

„Вотъ тотъ краеугольный камень, говорятъ о раисѣ Наливкины, на которомъ, въ теченіи вѣковъ, держалось зданіе наружной нравственности, чистоты нравовъ и наружнаго уваженія къ основамъ религіи, и стоило только выдернуть этотъ камень, упразднить раиса, и часть зданія стала сама собою рушиться. На базарахъ стали обмѣривать и обвѣшивать, а пьянство, проституція и индифферентныя отношенія къ обрядамъ религіи стали проявляться шире и шире“.

Такъ былъ поставленъ и такими способами держался народный судъ, и если эта картина вѣрна, а русская власть упразднила раиса и его палку, составлявшую всю суть дѣла, то отсюда возникаетъ само собою вопросъ, возможенъ ли этотъ судъ безъ раиса (у осѣдлыхъ), и если невозможенъ безъ содѣйствія доры, то не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, уменьшить его компетенцію до самыхъ крайнихъ размѣровъ?

Но уменьшеніе компетенціи народныхъ судей ведетъ, естественнымъ образомъ, къ увеличенію числа судовъ не народныхъ, т. е. русскихъ, т. е., другими словами, ведетъ къ новому расхо-

¹⁾ Сѣченіе женщинъ отличалось отъ сѣченія мужчинъ только тѣмъ, что женщинамъ не обнажали спины.

дамъ денежныхъ средствъ, новому усиленію личнаго состава и, вообще, къ новымъ затратамъ, а такъ какъ такая постановка вопроса, при настоящихъ, крайне скудныхъ, доходахъ, доставляемыхъ краемъ, и неудобна и нежелательна, то все сводится къ тому, чтобы изыскать такую комбинацію, въ которой, при недостаточномъ личномъ составѣ русскихъ судей, громадномъ районѣ дѣятельности и усиленной подсудности, народный судъ могъ бы приносить наименьшее зло.

Дѣйствовавшій почти двадцать лѣтъ Проектъ положенія 1867 г. признавалъ, какъ уже сказано, за народными судьями необычайно большую власть. Народу было предоставлено самоуправленіе по всѣмъ отраслямъ жизни, кромѣ политической и общегосударственной. На судъ біевъ и казиевъ были отданы, безъ исключенія, всѣ гражданскія дѣла и значительное большинство дѣлъ уголовныхъ. Сравнительно болѣе невѣжественные киргизскіе бии имѣли даже еще большую власть чѣмъ казии.

Что только было не подсудно біямъ и казіямъ! Всѣ безъ исключенія тяжбы и иски, всѣ дѣла семейныя, брачныя ¹⁾ и почти всѣ уголовныя дѣла. Только дѣла объ измѣнѣ, сопротивленіи властямъ, о нападеніи на почты и военные транспорты, объ убійствѣ христіанъ и должностныхъ лицъ и дѣла о разбояхъ были изъяты изъ ихъ вѣдѣнія.

Туземное правосудіе, оставленное народу почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы его нашли при завоеваніи края, представляло совершенно законченную картину. Постановленныя туземными судами рѣшенія приводились въ исполненіе туземными же властями. Офиціальное вмѣшательство русской власти допускалось, какъ уже сказано, только въ дѣлахъ брачныхъ и то у однихъ киргизъ. Тутъ дѣла рѣшали и помощники уѣздныхъ начальниковъ и уѣздные начальники и губернаторы; по всѣмъ же прочимъ дѣламъ вмѣшательство русскихъ властей, хотя офиціально и не допускалось, но это не мѣшало проявляться этому вмѣшательству и, притомъ, въ формѣ самой императивной.

Что собственно дѣлалось въ судахъ казиевъ и біевъ—это оставалось для русской власти неизвѣстнымъ, отчасти по недостатку вниманія, отчасти по недоступности болѣе или менѣе постоянныхъ

¹⁾ Уѣздные начальники вступались въ эти дѣла только тогда, когда къ нимъ обращались съ жалобами (только у киргизъ).

и основательныхъ наблюденій въ этой, какъ и во всѣхъ прочихъ, сферахъ народной жизни. Слѣдуетъ однако, съ прискорбіемъ, отмѣтить, что начальство вело себя вообще крайне непослѣдовательно по отношенію къ народному суду. Оно то энергически вмѣшивалось въ туземное правосудіе и отмѣняло или перевершало приговоры народныхъ судей, или передавало рѣшеніе дѣлъ на судъ постороннихъ, т. е. неподлежащихъ бѣевъ и казиевъ, то принимало на себя обязанность провѣрять существо рѣшеній и дѣлать свои поправки къ обычаямъ, принятымъ за основаніе при рѣшеніи, то, наконецъ, совершенно устраняло себя отъ этого дѣла и въ сознаніи своего безсилія, опускало руки и безмолвно смотрѣло и недоумѣвало. Въ общемъ итогѣ, однако, цѣль какъ бы достигалась: особенно громкаго неудовольствія населенія не замѣчалось; множество жалобъ признавалось только за „естественное желаніе добиться перевершенія дѣла“ а господствовавшая въ странѣ тишина и спокойствіе какъ бы свидѣтельствовали, что народная жизнь не особенно страдаетъ отъ такой организаціи правосудія и что судъ отправляетъ свои обязанности удовлетворительно.

Ничего государству не стоившій народный судъ давалъ возможность держать правительству, на три милліона населенія, разбросаннаго на необозримомъ пространствѣ средне-азіятскаго материка, всего 15—20 русскихъ мировыхъ судей и не болѣе полдюжины слѣдователей.

Въ Ташкентѣ, съ населеніемъ свыше ста тысячъ душъ, былъ всего одинъ судья. Въ Ташкентскомъ уѣздѣ, съ населеніемъ свыше двухсотъ тысячъ человекъ, былъ также одинъ судья и одинъ слѣдователь, причемъ у этого судьи возникало только до 500 дѣлъ въ годъ, а у слѣдователя не болѣе 50. Громадные по пространству уѣзды Церовскій, Казалинскій, Аулізатинскій, Чимкентскій, имѣющіе въ поперечникѣ каждый по 500 и болѣе верстъ, довольствовались однимъ судьей, который былъ въ то же время и слѣдователемъ.

Словомъ, организація народнаго суда, со всею его громадною подсудностью, давала возможность правительству расходовать весьма незначительныя средства на отправленіе правосудія и это была, можно сказать, единственная выгода, доставляемая сохраненіемъ народнаго суда.

Заслуживалъ ли однако этотъ судъ того довѣрія, которое ему было оказано правительствомъ—это иной вопросъ. Судъ, состав-

ляющій основу спокойной государственной и общественной жизни, обеспечивающій прогрессъ, гражданское развитіе и уваженіе къ закону, порядку и властямъ, такой судъ не существовалъ. Издревле практиковавшаяся въ степяхъ такъ называемая „баранта“ и всѣ прочіе виды самосуда служатъ тому уже достаточнымъ доказательствомъ, а затѣмъ ни для кого не секретъ, что напр. у киргизъ фактически несравненно болѣе рѣшали дѣла волостные управители, чѣмъ судьи. Правосудіе казійское было въ повальномъ подозрѣніи и у самихъ туземцевъ и у русскихъ властей.

Но самое, конечно, худшее заключалось въ томъ, что масса преступленій и проступковъ, предоставленныхъ вѣдѣнію бѣевъ и казевъ, оставалась вовсе безнаказанною, такъ какъ понятіе народныхъ судовъ о преступномъ и непроступномъ никогда не имѣло, и нынѣ не имѣетъ, ничего общаго съ тѣмъ, что установлено общимъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ закономъ.

Такая совершенно невозможная постановка народного суда, хотя отчасти, но все-таки была принята въ соображеніе при введеніи Положенія 12 іюня. При установленіи народного суда законодательнымъ порядкомъ, прежде всего, былъ сокращенъ кругъ дѣйствія народныхъ судей, но сокращеніе это было сдѣлано далеко не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ той полнотою, какъ это можно бы было ожидать послѣ 25 лѣтъ дѣятельности народныхъ судовъ.

Насколько послѣдовавшее сокращеніе компетенціи народного суда должно было незначительно повліять на отправленіе въ краѣ правосудія, можно судить по слѣдующему:

Изъ дѣлъ, подсудныхъ народнымъ судьямъ, изъяты, по ст. 141 Положенія 12 іюня, только нижеслѣдующія: 1) преступленія противъ вѣры христіанской; государственныя (ст. 176—235, 236—240, 241—261 улож. о наказ.); противъ порядка управленія (ст. 262—328 улож.); по службѣ государственной и общественной (ст. 329—505 улож. о нак.); противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ (ст. 506—547 улож. о нак.); противъ имущества и доходовъ казны (ст. 548—830 улож. о нак.); нарушенія устава карантиннаго (ст. 831—853 улож. о нак.); нарушеніе постановленій противъ повальныхъ и прилипчивыхъ болѣзней (ст. 854—858 улож. о нак.) и правилъ на случай скотскихъ падежей (улож. о нак. ст. 861); пристанодержательство и составленіе шаекъ (ст. 922—931 улож. о нак.); живые доносы и лже-свидѣтельство по дѣламъ, судимымъ по законамъ Имперіи; укры-

вательство бѣглыхъ (ст. 958, 959 и 974 улож.); порча телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ (ст. 1139—1146 улож.); всѣ преступленія противъ законовъ о состояніяхъ (ст. 1405—1425 улож.) и нѣкоторыя противъ собственности, жизни, здравія, свободы и чести, а именно: убійство (ст. 1449—1472), нанесеніе ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть (ст. 1484 улож.); изнасилованіе (ст. 1525—1528); противозаконное задержаніе и заключеніе (ст. 1540—1544); насильственное завладѣніе чужимъ недвижимымъ имуществомъ и истребленіе граничныхъ межей и знаковъ (ст. 1601—1605 улож.); поджогъ и вообще умышленное истребленіе чужаго имущества (ст. 1606—1625 улож.); разбой, грабежъ (ст. 1627—1643 улож.); похищеніе казеннаго имущества и подлоги русскихъ документовъ.

Всѣ эти дѣла, изъ коихъ многія, прежде по крайней мѣрѣ, *de jure*, вѣдались бѣями и казіями, перешли съ 1 января 1887 г. къ подлежащимъ мировымъ судьямъ и областнымъ судамъ; всѣ же остальные преступленія и проступки, за немногими исключеніями, подлежатъ, по прежнему, вѣдѣнію народныхъ судовъ.

Такимъ образомъ, за изытіемъ изъ подсудности народныхъ судовъ перечисленныхъ выше дѣлъ, судамъ этимъ отнынѣ предоставляется: а) вѣдать всѣ прочія уголовныя дѣла между туземцами, не взирая на различіе національностей (ст. 141 и 142 полож.) ¹⁾; б) вѣдать между туземцами всѣ дѣла гражданскія, исключая тѣ случаи, когда дѣла эти основаны на документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей (ст. 209); в) вѣдать всѣ дѣла по засвидѣтельствуванію всякаго рода актовъ и договоровъ между туземцами, за исключеніемъ сдѣлокъ о недвижимыхъ имуществахъ, но только тогда, когда право собственности на оныя утверждается на актахъ, совершенныхъ по силѣ общихъ законовъ Имперіи (ст. 235); г) вѣдать опекунскія дѣла осѣдлыхъ туземцевъ ²⁾ (ст. 252 Полож. 12 іюня).

При этомъ, по своему объему, власть народныхъ судей, по дѣламъ уголовнымъ, не только вполне приравнивается къ власти мировыхъ судей, но даже значительно превосходитъ эту власть, а по дѣламъ гражданскимъ она не ограничена никакой суммой и

¹⁾ По ст. 142 неподсудны народному суду преступленія и проступки туземцевъ, относительно русскихъ, а равно преступленія и проступки между туземцами, совершенные въ предѣлахъ русскихъ поселеній.

²⁾ Опекунскія дѣла кочевыхъ туземцевъ забыты въ Положеніи.

изъ вѣдѣнія народнаго суда изъемятся, какъ выше указано, только нѣкоторые дѣла, а именно — основанныя на русскихъ документахъ.

Интересно теперь, съ уложеніемъ въ рукахъ, прослѣдить, какія же именно уголовныя преступленія и проступки туземцевъ отнынѣ должны быть разбираемы въ народномъ судѣ?

Изъ сопоставленія статей 141, 142 и 209 Полож. 12 іюня съ перечнемъ статей, значащихся въ уложеніи, оказывается, что народные суды вѣдаютъ: а) всѣ виды кражъ, начиная съ кражъ шайкой и кражъ со взломомъ до простаго скотокрадства и конокрадства включительно, и исключеніе лишь сдѣлано для кражъ казеннаго имущества; эти послѣднія дѣла подсудны русскимъ судамъ; б) всѣ виды пораненій и побоевъ, не исключая самыхъ тяжкихъ, если только они не повлекли за собою смерти, а также всѣ покушенія на убійства, разбои, грабежи, изнасилованія; в) всѣ виды оскорбленій, угрозъ, насилій; г) всѣ виды подлоговъ туземныхъ документовъ; д) нарушенія правилъ для погребенія мертвыхъ (ст. 859—860 улож.); е) нарушенія правилъ для охраненія чистоты воздуха, безвредности воды и съѣстныхъ припасовъ (863—865 улож.); ж) нарушеніе правилъ, установленныхъ для продажи, храненія и употребленія веществъ ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ (ст. 866—869 улож.); з) проступки по распространенію вредныхъ слуховъ о подложномъ проявленіи чудесъ и другихъ обманахъ (932—938); и) лживые доносы по дѣламъ, судимымъ народнымъ судомъ; к) бродяжество, нарушенія правилъ о паспортахъ, нищенство (984—985 улож.); противозаконное выдѣлываніе и храненіе оружія и пороха (986—988 улож.) запрещенныя игры (990—992 улож. о нак.); л) соблазнительное и развратное поведеніе, противоестественные пороки, сводничество (993—1000); м) нарушеніе правилъ благоустройства въ городахъ и селеніяхъ (1058—1075); н) нарушеніе правилъ предосторожности отъ пожаровъ (1076—1077); о) самоубійство, произвольное оставленіе человѣка въ опасности (1513—1521); преступленія противъ чести и цѣломудрія (кромѣ изнасилованія, но не исключая покушенія на изнасилованіе), противозаконное вступленіе въ бракъ (1549 и слѣд.); похищеніе дѣвицъ и женщинъ (1580 и слѣд.); клевета, угрозы, злоупотребленіе супружескихъ и родительскихъ правъ, преступленія дѣтей противъ родителей, преступленія противъ союза родственнаго, угрозы, тяжкіе побои, злоупотребленіе опекуновъ, попечителей (1583 и слѣд.); п) мошенничество, присвоеніе и утайка

чужой собственности, принужденіе къ дачѣ обязательствъ, подлоги всѣхъ туземныхъ актовъ и обязательствъ.

Вотъ длинный перечень преступленій и проступковъ, оставляемыхъ въ вѣдѣніи народныхъ судовъ, согласно Положенія 12 іюня. Такъ, по крайней мѣрѣ, это слѣдуетъ изъ текста ст. 141 Полож. 12 іюня.

Вопросъ о томъ, кто долженъ возбуждать и поддерживать на народномъ судѣ обвиненіе въ преступленіяхъ, нарушающихъ не одни частные, но и общественные интересы—остается открытымъ, но на чьей бы обязанности это ни лежало, простой взглядъ на приведенный перечень удостовѣряетъ, что передача многихъ изъ перечисленныхъ преступленій и проступковъ на судъ народныхъ судей, совершенно равносильна установленію полной безнаказанности этихъ преступленій. Такъ напр., нарушение правилъ санитарныхъ, гигиеническихъ, паспортныхъ; нарушение правилъ общественной безопасности; противоестественные пороки; нарушения противопожарныхъ постановленій и многіе другіе проступки, очевидно становятся безнаказанными уже въ силу того, что они подлежатъ вѣдѣнію народного суда, ибо народный судъ и прежде совсѣмъ не зналъ такихъ преступленій и отнюдь ихъ не признавалъ таковыми и, очевидно, впредь не признаетъ всѣ эти, и многія другія, дѣянія преступными и, слѣдовательно, наказуемыми.

Если бы даже русская власть приняла на себя непосильный трудъ предъявлять и поддерживать всѣ эти обвиненія на народномъ судѣ, то и въ такомъ случаѣ едва ли въ судѣ „по обычаю“ и даже въ судѣ „по шаріату“ найдутся подходящія указанія, что дѣлать съ виновными въ такихъ преступленіяхъ, которыя даже совершенно неизвѣстны патріархальному быту туземцевъ, а потому естественно, что народные судьи не будутъ карать въ подобныхъ случаяхъ виновныхъ.

Но кромѣ такой, во многихъ случаяхъ нежелательной, безнаказанности туземцевъ, эта безнаказанность представляется нежелательной и въ другомъ отношеніи. Она нежелательна потому, что не-туземное населеніе, т. е. русскіе, менониты, дунганы, татары, иностранцы и лица, временно пребывающіе въ краѣ, ставятся въ положеніе, не одинаковое съ туземнымъ. Туземцы очевидно пріобрѣтаютъ преимущество—если только это есть преимущество—полной безнаказанности по многимъ такимъ преступленіямъ, не только частнаго, но и общественнаго значенія, которыя

отнюдь не пройдут даромъ не-туземцу. Съ полною увѣренностью можно сказать, что нарушенія санитарныя, врачебныя, нарушение правилъ безопасности и гигиены, затѣмъ бродяжество, нищенство, нарушение правилъ паспортныхъ, правилъ о благоустройствѣ въ городахъ и селеніяхъ, противопожарныхъ и проч., должны отнынѣ считаться для туземцевъ дѣянiями, не запрещенными подѣ страхомъ наказанiя.

Точное перечисленіе въ ст. 141—143 Полож. всѣхъ тѣхъ дѣлъ о туземцахъ, которыя подсудны русскому суду и затѣмъ передача всѣхъ остальныхъ дѣлъ на рѣшеніе народныхъ судовъ (ст. 209) устраняетъ, кажется, всякое сомнѣніе въ томъ, что именно такая подсудность установлена не случайно, а намѣренно и, потому, остается только высказаться по вопросу: удобно ли такое разграниченіе подсудности народныхъ и русскаго судовъ?

По нашему разумѣнію такое разграниченіе подсудности отнюдь нельзя считать ни удобнымъ, ни справедливымъ. Не касаясь того, что за народными судьями Средней Азіи никакъ не можетъ быть признано правъ болѣе, чѣмъ за другими, народными же, судьями, дѣйствующими въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, конечно, прежде всего нельзя никакъ привѣтствовать ту безнаказанность, которая, естественнымъ образомъ, отнынѣ устанавливается для туземцевъ по многимъ преступленіямъ.

Едва ли имѣется хоть какое нибудь основаніе думать, что туркестанскіе народные судьи заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ всѣ другіе подобные судьи и, напротивъ, есть много основаній думать, что имъ должно быть оказываемо довѣріе не большее, а гораздо меньшее.

Тѣ идеальныя бiя, о мудрости которыхъ ходили сказанія въ цѣломъ краѣ, исчезли окончательно. Сартовскій казіи хотя и долженъ быть вообще поставленъ по своему развитію выше бiя, но развитіе это чисто спеціальное, одностороннее, всегда узко-мусульманское и уже по одному этому, передавать столь обширную власть въ руки такихъ судей—едва ли въ интересахъ русскаго правительства.

Возникавшій, не однажды, вопросъ о цѣлесообразности сохраненія такъ называемыхъ народныхъ, туземныхъ судовъ, достаточно уже выясненъ, чтобы безъ колебаній высказаться, въ какой мѣрѣ такой судъ допустимъ и возможенъ въ странѣ, входящей въ составъ государства, управляемаго на точномъ основаніи законовъ.

Нѣтъ надобности здѣсь повторять, что своеобразный, вѣками сложившійся гражданскій бытъ туземцевъ, не можетъ быть подвергнутъ какому либо передѣльванію по заранѣ определенной программѣ; не нужно также доказывать, что всякая попытка навязать туземцамъ общій судъ, дѣйствующій въ имперіи, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Многіе судебные наши порядки, установившіеся вѣками и выработанные жизнью, оказались бы непригодными уже потому, что кочевой, бродячій, пастушескій бытъ огромной части туземнаго населенія Туркестана стоитъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ судомъ неподвижнымъ, прикрѣпленнымъ къ мѣсту.

Кочующій киргизъ, обязательно дѣлающій, въ теченіи лѣта 700—800 верстъ, для пропитанія своихъ стадъ, является постояннымъ нарушителемъ и ослушникомъ власти, задумавшей призывать его къ отвѣту или къ спросу въ извѣстный, неподвижный пунктъ, гдѣ сидитъ судья. Народный судъ на то и народный, чтобы быть среди него, служить ему ежечасно, ежеминутно, по весь вопросъ въ томъ, что именно можетъ быть отнесено къ вѣдѣнію народного суда и чего отнести нельзя, что необходимо предоставить разрѣшать бѣямъ и казіямъ и чего никакъ нельзя предоставить на ихъ рѣшеніе, что можно оставить, по прежнему, въ организаціи того народного суда, который мы застали и чего оставлять нельзя?

Правильно разсуждая, слѣдовало бы, если уже признано возможнымъ допускать существованіе народного суда, то сохранить этотъ судъ во всей его неприкосновенности, ибо народный судъ, передѣланный примѣнительно къ взглядамъ просвѣщеннаго правительства, уже перестаетъ быть судомъ народнымъ, а является пестрою смѣсью порядковъ азіятскихъ и европейскихъ. Но на такую широкую постановку народного суда не можетъ согласиться никакое просвѣщенное правительство. Достаточно уже припомнить, что прежній народный судъ могъ дѣйствовать, болѣе или менѣе удовлетворительно, только при энергическомъ содѣйствіи неумолимо дерущагося казы-раиса, чтобы убѣдиться, что даруя населенію народный судъ безъ самой существенной его принадлежности—казы-раиса—мы даемъ не настоящій народный судъ, а его призракъ—судъ народный только по названію.

Прибавимъ къ этому, что самъ народъ, вслѣдствіе постоянного соприкосновенія съ болѣе совершенными судебными порядками,

значительно измѣнилъ свои воззрѣнія на достоинства своего суда; что этотъ судъ, сложившійся еще во времена деспотизма, и выработанный на религіозной почвѣ, теперь уже далеко не удовлетворяетъ самаго народа, безсильнаго однако придумать лучшія формы правосудія и можно утвердительно сказать, что въ будущемъ и, притомъ, недалекомъ, недовольство этимъ судомъ будетъ возрастать все болѣе и болѣе.

Кромѣ всего этого и опытъ и наблюденіе удостовѣряютъ, что единоличныи киргизскій бій, какъ судебная власть, представляетъ до того ничтожное значеніе, что фактически почти всѣ спорныя дѣла киргизъ рѣшаютъ вовсе не бии, а волостные управители. Рѣшеніе бия теряетъ всякое значеніе, если того пожелаетъ волостной управитель, на обязанности котораго лежитъ только привести рѣшеніе въ исполненіе. Твердость казійскихъ рѣшеній, въ свою очередь, весьма зависитъ отъ прихоти приводящаго ихъ въ исполненіе аксакала.

Одна изъ серьезныхъ ошибокъ при оставленіи народнаго суда, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ знатоковъ народнаго быта туземцевъ ¹⁾, заключалась въ томъ, что исполнителями приговоровъ и рѣшеній народныхъ судовъ были назначены лица, стоящіе не ниже, а выше судей, а именно—волостные управители, полноправно распоряжающіеся въ степи и обращающіе къ исполненію только тѣ рѣшенія, которыя пожелаютъ исполнить.

Происходящее отъ неисполненія рѣшенія зло, разумѣется, растетъ пропорціонально важности затронутыхъ рѣшеніемъ интересовъ. Громкія жалобы на неисполненіе рѣшеній сдѣлались уже давно явленіемъ повседневымъ. Къ прискорбію нашему слѣдуетъ сознаться, что никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ этого не принимается и принять нельзя. Въ этой сферѣ дѣятельности туземныхъ властей, наблюденія для русской администраціи почти невозможны; тутъ никакія дисциплинарныя взысканія и даже самая энергичная смѣна волостныхъ управителей и старшинъ не принесутъ пользы, ибо характеръ личнаго состава туземной администраціи останется все тотъ же, а вмѣстѣ съ тѣмъ останется то же отношеніе къ рѣшеніямъ туземныхъ судей и никакихъ надеждъ на пріисканіе лучшихъ исполнителей рѣшеній народнаго суда нѣтъ.

¹⁾ Бывшій начальникъ Тургайской области генераль Гейнсъ.

Тутъ видимо представляется одинъ исходъ: чѣмъ будетъ менѣ компетенція народныхъ судей, тѣмъ менѣ будетъ и причиняемое неисполненіемъ ихъ рѣшеній зло и, слѣдовательно, уже въ силу только этого соображенія, необходимо компетенцію народныхъ судей по возможности уменьшить.

Съ другой стороны, въ силу принципа равенства всѣхъ предъ закономъ, не можетъ быть допущенъ такой порядокъ, чтобы не только въ одной имперіи, но даже въ раіонѣ одного округа, терпѣлось такое неравенство гражданъ предъ закономъ, въ силу коего русское и, вообще, такъ называемое не-туземное населеніе являлось бы отвѣтственнымъ за такіа дѣянія, которыя, фактически, не влекутъ для туземцевъ никакой отвѣтственности.

Мы думаемъ, что исходъ изъ этого положенія не представляетъ не только неодолимыхъ, но даже никакихъ серьезныхъ препятствій, если даже признавать необходимость существованія народныхъ судовъ.

Исходъ этотъ уже ранѣе указанъ многолѣтнимъ опытомъ Кавказа, населеннаго, какъ извѣстно, наполовину мусульманами. Народные суды вѣдаютъ тамъ только: 1) всѣ иски и тяжбы до 100 р.; 2) всѣ гражданскія дѣла на большую сумму, если стороны сами предоставятъ ихъ рѣшенію волостныхъ и сельскихъ судей; 3) всѣ дѣла на всякую сумму, если стороны пожелаютъ рѣшить ихъ третейскимъ судомъ; 4) всѣ маловажные проступки ¹⁾.

Народнымъ судьямъ во внутренней Россіи и въ Закавказьѣ, предоставлено право приговаривать: а) къ общественнымъ работамъ до 6 дней; б) къ денежнымъ взысканіямъ до 3 рублей; в) къ аресту до 7 дней; г) къ розгамъ до 20 ударовъ (ст. 102 полож. о сел. общ. и ст. 40 закавк. полож.).

¹⁾ Въ положеніи о крестьянахъ внутреннихъ губерній маловажные проступки не опредѣлены; въ положеніи же Закавказскомъ, подъ маловажными проступками разумѣются: порча воды въ рѣчкахъ, канавахъ, колодезяхъ; продажа испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ; неподача помощи при наводненіи, пожарахъ и т. п.; обида словомъ въ церкви, мечети и общенародно; ударъ рукою, ногою, палкою и т. п. безъ причиненія ушиба; злоумышленная запашка или потравка чужаго поля, порча забора, изгороди и т. п.; употребленіе при продажѣ не установленныхъ закономъ аршиновъ, вѣсовъ, мѣръ; обмѣръ, обвѣсъ; необъявленіе о пригубномъ скотѣ и намѣреніе воспользоваться чужою собственностью; необъявленіе объ имуществѣ завѣдомо краденомъ, о находкѣ чужой вещи, платья, денегъ; растрата работникомъ или прикащикомъ хозяйскаго имущества; кража, мошенничество на сумму не свыше 30 р. и когда это учинено въ 1 и 2 разъ, безъ всякихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ (ст. 39 закавказскаго положенія).

Затѣмъ, всѣ гражданскія дѣла на сумму свыше 100 р. и всѣ проступки, не считающіеся маловажными, подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей и общихъ судовъ.

Казалось бы, что, въ силу уже простой послѣдовательности, власть народныхъ судей Туркестанскаго края не должна превышать власти народныхъ же судей въ другихъ мѣстахъ и, въ особенности, власти закавказскихъ народныхъ судей, поставленныхъ въ условія исполнѣ аналогичныя съ народными судьями Туркестанскаго края.

Но предположивъ даже, что въ силу особенностей страны или по какимъ бы то ни было другимъ причинамъ, та власть, которая нынѣ предоставлена народному суду въ Туркестанскомъ краѣ, должна быть сохранена и впредь, на болѣе или менѣе продолжительное время, естественно возбуждается нижеслѣдующій вопросъ: очевидно, прежде всего, что власть народныхъ судей, основана ли она на адатѣ или шаріатѣ, не можетъ избѣгнуть обязательнаго со стороны правительства надзора. Не можетъ быть даже допущено предположеніе, что правительство допустило дешевый, ничего не стоящій казні народный судъ, съ единственною цѣлью сложить съ себя всякую отвѣтственность за результаты такого судоустройства. Правительство никакъ не можетъ придерживаться системы совершеннаго невмѣшательства въ народное правосудіе, и, на какихъ бы основаніяхъ оно ни отправлялось, отвѣтственность за организацію народного суда лежитъ все таки на правительствѣ, а потому оно должно оставить за собою право надзора за отправленіемъ механизма этого суда.

До судебного преобразованія 1887 года надзоръ этотъ выражался въ томъ произвольномъ вмѣшательствѣ въ дѣятельность народного суда, которое закончилось созданіемъ кассационной инстанціи изъ канцеляріи генераль-губернатора.

Что же сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Положеніи 12 іюня?

Прежде всего, по этому предмету въ Положеніи 12 іюня имѣется нѣсколько статей, изъ смысла которыхъ слѣдовало бы заключить, что народные суды вообще находятся въ вѣдѣніи администраціи, подъ ея непосредственнымъ контролемъ, и что, отчасти, контроль этотъ предоставленъ также мѣстной прокуратурѣ. Однако, если обратиться къ вопросу о самомъ существѣ этого контроля и способахъ его осуществленія, то придется придти къ тому заключенію,

что порядокъ этотъ и крайне неопредѣленъ и крайне неудовлетворителенъ.

На основаніи 288 ст. Полож. на обязанность уѣздныхъ начальниковъ возлагается ближайшее наблюденіе за веденіемъ книгъ народныхъ судей. По ст. 243 жалобы на рѣшенія единичныхъ судей въ сѣздѣ народныхъ судей проходятъ чрезъ уѣздныхъ начальниковъ только по дѣламъ осѣдлыхъ туземцевъ, а по дѣламъ кочевниковъ нѣтъ, такъ какъ жалобы эти приносятся чрезъ волостныхъ управителей. По ст. 248 чрезвычайные сѣзды судей происходятъ въ присутствіи начальника уѣзда, или другого чиновника, наблюдающаго только за благочиніемъ. Наконецъ, на основаніи ст. 251, приведеніе въ исполненіе рѣшеній народныхъ судей производится волостнымъ управителемъ, подъ наблюденіемъ уѣздныхъ начальниковъ.

Этимъ статьями опредѣляется роль административнаго надзора за народнымъ судомъ.

Кажется можно сказать, что если право надзора и контроля надъ народными судами дано администраціи съ цѣлью устранить неизбѣжныя, въ подобныхъ судилищахъ, медленность, злоупотребленія, пристрастіе, бездѣйствіе и проч., то надзоръ, устанавливаемый Положеніемъ 12 іюня, совершенно не достигаетъ этой цѣли.

Только одна статья Положенія (ст. 216) какъ будто устанавливаетъ болѣе активное вмѣшательство администраціи и прокуратуры въ существо народнаго правосудія, но и она едва ли можетъ хоть сколько нибудь упорядочить это правосудіе. По ст. 216 „приговоры и рѣшенія народнаго судьи, постановленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ неподсуднымъ, не приводятся въ исполненіе и о нихъ уѣздный начальникъ представляетъ прокурору; послѣдній вноситъ протестъ въ областной судъ, который, въ случаѣ отмѣны приговора, возвращаетъ дѣло съ надлежащими указаніями въ народный судъ, для постановленія новаго рѣшенія, а при неподсудности дѣла народному суду—даетъ ему законное направленіе“.

По поводу этой статьи возникаетъ вопросъ не только о томъ, на какомъ языкѣ будутъ переписываться областные суды съ народными судьями, но является гораздо болѣе важный вопросъ: какимъ путемъ будутъ доходить до уѣзднаго начальника свѣдѣнія о приговорахъ и рѣшеніяхъ, постановленныхъ съ превышеніемъ власти, и о приговорахъ, постановленныхъ по дѣламъ неподсуд-

нымъ? Если еще на подобный приговоръ приносится жалоба въ сѣздъ народныхъ судей, то, по дѣламъ осѣдлыхъ туземцевъ, приговоръ этотъ, обязательно, проходить чрезъ руки уѣздныхъ начальниковъ и, если уѣздный начальникъ дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ такими приговорами и рѣшеніями, написанными на туземномъ языкѣ, на которомъ наши уѣздные начальники рѣдко говорятъ и почти никогда не читаютъ, то, разумѣется, онъ можетъ случайно, наткнуться на подобный приговоръ и представить его прокурору. По дѣламъ же кочевниковъ (ст. 243), дѣла въ народный судъ поступаютъ прямо чрезъ волостныхъ управителей и уѣздный начальникъ даже не будетъ о нихъ вовсе знать, а слѣдовательно лишень всякой возможности представлять ихъ прокурору. Слѣдовательно и эта статья фактически никакого контроля за рѣшеніями народныхъ судей не устанавливаетъ.

Затѣмъ, исполненіе приговоровъ возложено на туземную администрацію (ст. 251), хотя и подъ наблюденіемъ уѣздныхъ начальниковъ, но понятно, что фактически наблюденіе это будетъ осуществляться только въ случаѣ жалобъ и выражаться въ такъ называемыхъ, и нынѣ хорошо извѣстныхъ, но мало дѣйствительныхъ понужденіяхъ туземныхъ властей къ скорѣйшему исполненію приговоровъ. Никакого же другаго наблюденія за исполненіемъ приговоровъ не будетъ и не можетъ быть, а такое наблюденіе не внесетъ въ дѣло никакого улучшенія.

Наконецъ, и самая редакція ст. 216 не можетъ считаться удовлетворительной. Какіе это „протесты“ будетъ подавать прокуроръ по рѣшеніямъ (гражданскимъ?) народного суда? Почему вводится нигдѣ не существующее вмѣшательство прокуратуры въ разрѣшеніе всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только гражданскихъ дѣлъ и, притомъ, въ суды низшаго порядка? Почему областной судъ, стоящій совершенно въ сторонѣ отъ народного суда, не имѣющій съ нимъ никакого соотношенія, привлекается къ возстановленію порядка въ народномъ судѣ въ такихъ именно случаяхъ, когда возстановленіе этого порядка всего удобнѣе и цѣлесообразнѣе могла бы сдѣлать администрація, поставленная наблюдать за народнымъ судомъ, и не менѣе областного суда компетентная разсудить—поставленъ ли приговоръ съ превышеніемъ власти или нѣтъ?

Такимъ образомъ, никакого дѣйствительнаго контроля за народнымъ судопроизведеніемъ вновь не устанавливается и все остается въ прежнемъ видѣ.

И такъ, введенный Положеніемъ 12 іюня народный судъ, является, съ одной стороны, съ громадной компетенціей, не только не уступающей, но даже превосходящей компетенцію мировыхъ судей, а съ другой, съ слишкомъ ничтожными задатками, не говоря уже про правильное, но даже болѣе или менѣе добросовѣстное отправленіе правосудія.

Къ такому заключенію нужно придти даже и въ томъ случаѣ, если предположить, что въ народные суды попадутъ сравнительно лучшіе люди, хотя такіе именно и не попадутъ. Какъ истинные сыны своего народа, эти лучшіе люди явятся лишь наиболѣе типичными его представителями и внесутъ въ отправленіе правосудія тѣ свойства, которыми наиболѣе этотъ народъ отличается. Въ числѣ этихъ свойствъ никакъ нельзя считать ни любви къ правдѣ, ни стремленія къ истинѣ, ни безкорыстія, ни правильного понятія о долгѣ и особенно судейскомъ, ни, въ большинствѣ случаевъ, простой добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей, какъ судей и какъ гражданъ. Прибавить къ этому или совершенно грубое невѣжество, напр. киргизское, или невѣжество, покоящееся на мусульманскомъ фанатизмѣ, и традиціонное стремленіе должностныхъ туземцевъ къ наживѣ и неразборчивому обогащенію, да если, затѣмъ, вспомнить о громаднхъ размѣрахъ власти народныхъ судей и, пропорціонально власти, о происходящемъ отъ неправосудія злѣ, то печальная картина отправленія народного правосудія развернется во всю ширь.

Вмѣсто точнаго закона здѣсь является замысловатый, полный противорѣчивыхъ толкованій шаріатъ, съ своими ривоятами, или прихотливый обычай, прихотливо толкуемый стариками. При этомъ, въ самой основѣ отправленія народного правосудія, остается лежащее въ существѣ всего мусульманства отчужденіе отъ европейской науки, образованности, презрѣніе къ невѣрнымъ и ихъ режиму, оправдывающее ложь, обманъ, клятвопреступленіе и пр. и пр. и пр.

Кто знакомъ съ начертанной картиной практически, кто видѣлъ этотъ народный судъ въ дѣйствіи, тотъ съ глубокимъ убѣжденіемъ можетъ сказать: дайте народу его судъ, но сократите компетенцію этого суда до крайняго предѣла; предоставьте народу право разбираться самому и примѣнять его обычаи, но ограничьте опредѣленными, возможно узкими рамками область примѣненія и обычая и такъ называемаго мусульманскаго права; не стѣсняйте

мусульманъ въ отправленіи ихъ религіи, но не давайте проникать мусульманскимъ т. е. религіознымъ точкамъ зрѣнія въ отправленіе правосудія и, особенно, тѣхъ его отраслей, которыя имѣютъ воспитательное значеніе; держите въ рукахъ бразды административнаго и военнаго управленія, но и не выпускайте изъ рукъ своего права отправлять судъ, подъ опасеніемъ развратить народъ и развить въ немъ дурныя свойства.

Такова должна быть постановка народнаго суда.

Не имѣя цѣли входить въ разборъ частныхъ Положенія 12 іюня, мы полагаемъ, что все вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) произведенная въ краѣ судебная реформа представляется вообще, такъ сказать, не существенной, а результаты состоявшагося преобразованія не соотвѣтствуютъ тѣмъ денежнымъ затратамъ, которыя вызываются введеніемъ областныхъ судовъ ¹⁾, 2) въ порядкѣ разсмотрѣнія и способѣ рѣшеній гражданскихъ дѣлъ никакихъ, существенныхъ, преобразованій не послѣдовало; 3) разрѣшеніе дѣлъ уголовныхъ, въ виду отміны теоріи формальныхъ доказательствъ и упраздненія военно-судныхъ комиссій, обставлено лучшими, противъ прежняго, условіями, но для достиженія совершенно подобнаго же результата не требовалось вводить въ краѣ, уже фактически существовавшіе въ немъ, суды прежняго устройства, съ болѣе значительными лишь расходами на содержаніе, а достаточно было предоставить тѣмъ самымъ областнымъ правленіямъ, которыя несли обязанности судовъ, не руководствоваться теоріей формальныхъ доказательствъ, да увеличить составъ областныхъ правленій однимъ, двумя, пожалуй, тремя лишними дѣлопроизводителями; 4) средства существовавшихъ до 1 января мировыхъ учрежденій, хотя и не называвшихся мировыми, вообще не улучшились, тогда какъ число дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, нѣсколько увеличилось; 5) слѣдственная часть поставлена не въ лучшія тѣмъ прежде условія; составъ слѣдователей малочисленъ, они недостаточно обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, между тѣмъ какъ, въ силу чисто мѣстныхъ условій (громадныя разбѣзды, переводчики, повальная лживость показателей и проч.), отъ нихъ требуется больше

¹⁾ До 1 января 1887 г. содержаніе двухъ судныхъ отдѣленій при двухъ областныхъ правленіяхъ обходилось 10—12 т. р. ежегодно. Съ 1 января 1887 г. содержаніе трехъ областныхъ судовъ обходится 91.300 р., слѣдовательно ежегодная разница около 80 т. р.

труда, энергіи и знаній; 6) сохраненіе прежней громадной компетенціи народнаго суда составляетъ, въ сущности, повтореніе прежде сдѣланной ошибки. Предоставленіе, невѣжественнымъ и часто фанатизированнымъ народнымъ судьямъ, рѣшенія, не только простыхъ и несложныхъ дѣлъ домашняго обихода, но и дѣлъ важныхъ въ отношеніи общественномъ, воспитательномъ и отчасти политическомъ, не общаетъ ничего хорошаго. Узаконеніе этой громадной компетенціи на долгіе годы грозитъ принесеніемъ трудно поправимаго зла. Понятіе о дозволенномъ и недозволенномъ, понятіе о правѣ, объ обязанностяхъ, объ отношеніи къ власти государственной и общественной, понятіе объ общественныхъ интересахъ и пр. не общаетъ получить желательнаго направленія, при полномъ отсутствіи всякаго руководящаго и точнаго закона въ рукахъ этихъ судей и при наличности того низкаго нравственнаго уровня, на которомъ пребываютъ и вѣдьки пребудутъ бѣи и казіи. Поэтому можно лишь, въ будущемъ, ожидать, что населеніе, направляемое фанатично религіознымъ духовенствомъ, безъ всякаго воздѣйствія науки и образованія, будетъ болѣе и болѣе отчуждаться отъ русской культуры, и, окончательно сбившись въ распознаваніи преступнаго и непроступнаго, долго, очень долго, не вступитъ на желанный путь прогресса, гуманности и легальности.

Такой судъ, понятно, никакого содѣйствія къ развитію въ населеніи гражданственности не общаетъ; его воспитательное значеніе будетъ прямо неблагопріятно для русской власти и ежегодное сбереженіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ руб. можетъ принести для насъ результаты, съ которыми придется считаться долгіе годы.

Вся неудовлетворительность постановки народнаго суда сказалась слишкомъ уже ясно за время нашего господства въ этой азіатской окраинѣ, чтобъ желать сохранить этотъ судъ и на будущее время, въ прежнемъ его видѣ, или продолжать какіе либо опыты въ этомъ направленіи.

Ни простая справедливость, ни равенство всѣхъ подданныхъ предъ закономъ, не могутъ заставить примириться съ тѣмъ, чтобы въ предѣлахъ русскаго государства какая либо часть страны представляла своимъ жителямъ привиллегію безнаказанности за такіе дѣянія, которыя наказуемы не только въ сосѣднихъ губерніяхъ, но наказуемы, по отношенію къ не-туземцамъ, въ той же мѣстности. Оренбургскій и Сибирскій киргизъ не могутъ и не должны быть

поставлены въ иныя условія, чѣмъ киргизъ Туркестанскій. Мусульманинъ закавказскій не можетъ быть судимъ на иныхъ началахъ, чѣмъ мусульманинъ туркестанскій. Передать на народный судъ такихъ дѣлъ, какъ напр. о сокрытіи личности (бродяжество), сокрытіи истины (лжеприсяга), ябеды, ложные доносы, подлогъ, нарушенія врачебныя, санитарныя, обманы, кражи, мошенничество—значить развить и поощрить всѣ эти виды преступленій уже и такъ достаточно распространенные ¹⁾.

Послѣ всего вышеизложеннаго было бы кажется наиболѣе правильнымъ заключить, что судебное устройство, введенное въ Туркестанѣ Положеніемъ 12 Іюня, дано лишь на то переходное время, въ которомъ нынѣ находится этотъ край. Ни тѣ народные суды, которые были при ханахъ, ни введенные нынѣ старые суды, очевидно не могутъ оставаться на долгое время, а потому, съ настоящей обстановкой судебной части въ краѣ, можно примириться только какъ съ состояніемъ переходнымъ и временнымъ, и примириться лишь въ надеждѣ на скорое устройство судебной части по тому типу, который пока признанъ наилучшимъ, т. е. по типу судебныхъ уставовъ, съ необходимыми, конечно, извѣтѣями.

Нельзя сомнѣваться, что дополнительная реформа судебной части потребуетъ въ непродолжительномъ времени самую жизнь. Развивающееся среди туземцевъ просвѣщеніе, появленіе среди нихъ образованныхъ людей, само собою приведетъ къ вопросу объ измѣненіи громадной компетенціи народныхъ судовъ. Практически немыслимо подчинить просвѣщенныхъ туземцевъ суду биевъ и казіевъ, и суду этому неминуемо, и очень скоро, придется отвести

¹⁾ На основаніи имѣющихся свѣдѣній и, въ согласіе съ киргизскими и мусульманскими воззрѣніями, можно безъ затрудненія намѣтить тѣ разряды дѣлъ, которые могли бы быть переданы, безъ особыхъ опасеній, на рѣшеніе народныхъ судей, это именно дѣла: 1) о бракахъ и разводахъ; 2) о похищеніяхъ женъ и дѣвицъ, если похищенія не сопровождались другими преступленіями, неподсудными народному суду; 3) о прелюбодѣянніяхъ; 4) о наслѣдствѣ имущества; 5) о наслѣдственности женъ; 6) объ оскорбленіяхъ чести; 7) о челоувѣколюбии и благотворительности, обязательныхъ для туземцевъ на основаніи обычая и шаріата; 8) о нарушеніи обычаевъ при поминкахъ, народныхъ празднествахъ, а также о правилахъ приличія и вѣжливости; 9) о порядкѣ кочеванія (на сколько дѣла эти не идутъ въ разрѣзъ съ постановленіями русской власти); 10) о захватахъ имущества и земель (если захваты не имѣють вида разбоевъ, грабежей); 11) о дареніи; 12) о личномъ наймѣ; 13) о мелкихъ кражахъ, обманахъ, мошенничествахъ на сумму до 30 руб.; 14) о дракахъ, легкихъ пораненіяхъ и увѣчьяхъ и т. п.

то мѣсто, которое повсюду занимаютъ народные суды т. е. подчинить ихъ вѣдѣнію только простѣйшія изъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но никакъ не сравнивать ихъ, въ правахъ и власти, съ судьями, развитыми умственно и нравственно и дѣйствующими на точномъ основаніи законовъ.

Прошло болѣе пяти лѣтъ послѣ введенія новаго судебного строя въ Туркестанскомъ краѣ и, въ теченіи этого періода, достаточно выяснилось, что реформа кое-чего вовсе не предусмотрѣла, а кое-что поставила неправильно и слишкомъ своеобразно. Практика скоро обнаружила разнообразныя пробѣлы въ новомъ судоустройствѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣтилась съ неполнотой и неясностью закона... Въ виду особеннаго положенія края и подчиненія его военному министерству, въ разъясненіи возникшихъ недоразумѣній, преимущественно юридическаго характера, — приняли прежде всего участіе военныя власти — въ лицѣ главнаго штаба и его спеціальнаго отдѣленія, такъ называемой азіятской части, въ составѣ которой нѣтъ ни одного юриста, а затѣмъ уже за толкованіе недоразумѣній взялись другія министерства, особенно вѣдомство финансовъ и государственный контроль. Разъясняли также эти недоразумѣнія, по мѣрѣ силъ, и мѣстныя власти: канцелярія ген.-губернатора, совѣтъ его же, генералъ-губернатора, областныя правленія, областныя суды, прокуроры... По нѣсколькимъ вопросамъ разъясненія изшли отъ стараго сената (1, 4—5 департаменты), но разъяснительная дѣятельность всѣхъ этихъ разнообразныхъ учреждений, повидимому, еще далеко не исчерпана. потому что и по сіе время требованіе такихъ разъясненій, дополненій, измѣненій, а часто и совершенной отмѣны нѣкоторыхъ, только что введенныхъ и даже еще на практикѣ не испытанныхъ, но будто бы уже оказавшихся непригодными, законоположеній, не прекращается.

Новый судъ, характера пестраго и такъ сказать сборнаго, какъ можно было и предвидѣть, не оправдалъ многолѣтнихъ надеждъ и ожиданій. Смѣшеніе порядковъ новыхъ и старыхъ или, вѣрнѣе, примѣсъ къ старымъ порядкамъ нѣкоторыхъ новыхъ, и, вообще, вся эта полуреформа неизбѣжно плодили колебанія, шаткость и недоразумѣнія. Со всѣхъ сторонъ предлагались желанныя поправки. Администрація, недовольная сокращеніемъ власти, домогалась, по крайней мѣрѣ, недопущенія никакихъ жалобъ на взысканія, налагаемыя ею на туземцевъ (64 и 65 Полож. 12 іюня), утверждая, что

такое обжалованіе „ослабляетъ престижъ власти“. Отъ администраціи же вышелъ, уже на пятый годъ дѣятельности новыхъ административныхъ и судебныхъ порядковъ, проектъ о предоставленіи мѣстнымъ властямъ карать проступки туземцевъ болѣе или менѣе строгими взысканіями, не въ зависимости отъ важности содѣянаго, а въ зависимости отъ того, какой начальникъ налагаетъ взысканіе: т. е. чѣмъ выше лицо, налагающее взысканіе, тѣмъ и взысканіе должно быть выше. Такъ,, напр., за безпорядокъ и шумъ на улицѣ уѣздный начальникъ могъ назначить арестъ до семи дней, губернаторъ—мѣсяцъ, а генералъ-губернаторъ—три мѣсяца. Проектъ этотъ разумѣется, не прошелъ. Прокуроры, въ цѣляхъ усиленія своей компетенціи, стали принимать для разсмотрѣнія и направленія дѣла, не подлежащія ихъ вѣдѣнію (напр., преступленія по должности), а областные судьи и сами расширили свою компетенцію, при молчаливомъ сочувствіи прокуратуры и, въ силу довольно неожиданныхъ разъясненій правительствующаго сената. Вотъ, напр., одинъ изъ наиболѣе крупныхъ примѣровъ. Извѣстно, что весь Туркестанскій край находится въ вѣдѣніи военнаго министерства и что въ краѣ имѣются военно-окружные суды. Такимъ образомъ всѣ чины административно-полицейскаго управленія, суть гражданскіе чины военнаго вѣдомства. Согласно ст. 11 т. XV ч. 2 (изд. 1876 г.) и 219—225 уст. угол. суд. такіе чины, за преступленія должности, подлежатъ военно-окружному суду,—и какъ ни ясенъ этотъ законъ, но мѣстные областные суды рѣшили, что дѣла эти подсудны не военно-окружнымъ судамъ, а имъ,—и принялись судить, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ штабъ и оберъ-офицеровъ, не говоря уже про гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства. Ни губернаторы, ни прокуроры противъ этого не протестовали и этотъ порядокъ установился кажется окончательно.

Нижеприведенный перечень главнѣйшихъ вопросовъ, возникшихъ въ практикѣ судовъ и администраціи, въ первое же время послѣ судебного преобразованія въ краѣ, лучше всего укажетъ и разъяснитъ общій характеръ всѣхъ недоразумѣній и разногласій и въ самомъ судѣ и между администраціей, судомъ и прокуратурой. Черезъ годъ и въ правящихъ сферахъ края и въ обществѣ уже сложилось мнѣніе, что желанное и столь долго ожидаемое преобразование далеко не принесло того, на что всѣ рассчитывали. Во первыхъ, судъ остался бумажнымъ, какимъ онъ былъ и прежде. Судебнаго слѣдствія какъ прежде не было, такъ и теперь нѣтъ;

самый вызовъ обвиняемыхъ для суда необязателенъ; судьи являются просто въ роли интерпретаторовъ тѣхъ письменныхъ документовъ, которые вошли въ составъ такъ называемаго формальнаго слѣдствія. Прокуроры громили отсутствующихъ обвиняемыхъ, а судьи вѣрили тѣмъ неизвѣстнымъ субъектамъ, которые значились свидѣтелями ¹⁾. Во вторыхъ, личный составъ судовъ былъ такъ непомѣрно малъ, что не только никакой специализаціи судей по отдѣламъ нельзя было достигнуть,—но судьи едва успѣвали справляться и съ механической работой а о какихъ либо выѣздахъ въ сессіи не могли и думать ²⁾. Въ третьихъ, слѣдственная часть, поставленная вообще неудовлетворительно, была особенно плохо организована по отношенію къ преступленіямъ должности,—о которыхъ слѣдствія производились, какъ и прежде, совершенно некомпетентными административными чиновниками. Въ четвертыхъ, мировыхъ судей было слишкомъ мало, такъ мало, что они вовсе не могли объѣзжать своихъ обширныхъ раіоновъ, а всегда призывали къ себѣ за сотни верстъ участвующихъ въ дѣлахъ лицъ и, этимъ порядкомъ, охлаждали всякое желаніе къ вчинанію самыхъ правыхъ дѣлъ. Мировые съѣзды были устроены всего по одному на область и напр. въ Сырь-Дарьинской области среднее разстояніе для лицъ, призываемыхъ въ съѣзды, было 500 — 700 верстъ. Въ пятыхъ, въ дѣлопроизводствѣ нѣкоторыхъ судовъ воцарилась вообще и, особенно въ серьезныхъ дѣлахъ, большая медленность. Такъ напр., по дѣлу одного инженера, обвиняемаго въ подлогахъ по службѣ, потребовалось девять съ половиною мѣсяцевъ для написанія и сообщенія приговора на утвержденіе губернатора, а приговоръ по обвиненію двухъ чиновниковъ въ взяточничествѣ и вымо-

¹⁾ Благодаря заглазости всего слѣдственного производства былъ такой случай. Вмѣсто обвинявшагося въ грабежѣ Бурубая Джарнымбаева, слѣдователь заключилъ, по ошибкѣ, въ тюрьму Бовгутюкъ Каратаева, котораго судъ и осудилъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Только уже съ пути слѣдованія, пройдя 3000 верстъ, Каратаевъ, по телеграфу, былъ освобожденъ.

²⁾ Отчасти недостатокъ у судей времени на внимательную разработку слѣдственного матеріала приводитъ къ тому, что преобладаютъ оправдательные приговоры, которые пишутся легче и скорѣе, потому что не предвидится жалобъ. Приговоры эти иногда поражаютъ своею неожиданностью. При полныхъ уликахъ, добытыхъ при слѣдствіи и нисколько неизмѣнившихся на судѣ, даже при сознаніи обвиняемыхъ, постановляются оправдательные приговоры. Въ 1890 г., по октябрь мѣсяцъ, изъ 28 приговоровъ, постановленныхъ областнымъ судомъ Сырь-Дарьинской области было, 15 обвинительныхъ и 13 оправдательныхъ.

гательствъ,—не былъ сообщенъ на утверждене губернатора болѣ двухъ лѣтъ. Въ шестыхъ, прокуратура, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, проявила, рѣшительно ни на какомъ законѣ не основанное, усердіе въ принятіи, отъ туземцевъ, жалобъ на туземную администрацію и вообще на должностныхъ лицъ. Извѣстно, что по закону жалобы эти должны быть подаваемы начальству обвиняемыхъ лицъ и такъ въ дѣйствительности прежде и дѣлалось,—но туземецъ, убѣжденный, что жалоба въ нѣсколькихъ экземплярахъ дѣйствуетъ гораздо лучше чѣмъ въ одномъ, никогда не прочь повторить эту жалобу всякому, власть имѣющему, будь то проѣзжій сановникъ или, просто, знатный иностранецъ, и такіе дубликаты жалобъ направлялись и къ вновь появившимся прокурорамъ, а тѣ, вмѣсто указанія просителямъ куда имъ слѣдовало направиться, стали принимать эти жалобы собственно для препровожденія на распоряженіе губернатора и такимъ путемъ очень размножили и безъ того значительную переписку. Такъ, въ 1887 г., такихъ прошеній было принято однимъ сыр-дарьинскимъ областнымъ прокуроромъ 70, а въ 1888 г. ихъ было уже 220 и изъ всѣхъ этихъ 290 жалобъ только по 20 — 25 начаты слѣдствія а остальные, послѣ дознанія, оставлены безъ послѣдствій.

Затѣмъ, вотъ небольшой перечень вопросовъ, возникшихъ въ преобразованныхъ судахъ и администраціи, и изъ послѣдовавшихъ по нѣкоторымъ изъ нихъ рѣшеній, уже можно заключить о томъ общемъ направленіи, которое получила судебная дѣятельность въ краѣ. Вопросами этими, имѣвшими, большею частью, практическое значеніе, конечно, далеко не исчерпывалась вся та масса мелочныхъ недоразумѣній, которыя народились уже потому только, что въ краѣ было допущено одновременное существованіе нѣсколькихъ типовъ судовъ и оставлена полу-военная администрація, подчинившаяся и сенату и главному штабу и получавшая отовсюду обязательныя для нея разъясненія и указанія. Коллизіямъ и пререканіямъ вѣдомствъ здѣсь открывалось такое широкое поприще какъ нигдѣ, и если ихъ не было или было немного, то это нужно приписать благоразумію и такту начальствующихъ лицъ.

Въ числѣ этихъ вопросовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ вопросъ отчасти финансоваго характера. Нѣкоторые заботливые о возрастаніи мѣстныхъ государственныхъ доходовъ чиновники объявили, что казна много теряетъ вслѣдствіе того, что недвижимость между туземцами переходитъ не крѣпостнымъ порядкомъ.

На третій уже годъ дѣятельности новыхъ судовъ, какъ извѣстно, было въ краѣ вновь введено нотаріальное положеніе, упраздненное при введеніи Положенія 12 іюня, и вдругъ возникъ вопросъ—не распространяется ли нотаріальное положеніе и на туземцевъ. Хотя законъ совершенно ясно разрѣшалъ этотъ вопросъ и разрѣшалъ отрицательно ¹⁾, но нашлись чиновники, утверждавшіе, что положеніе распространяется и не примѣняется только по какому-то недоразумѣнію. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ примѣнить это положеніе не рѣшились и недоразумѣніе остается какъ бы неразъясненнымъ.

За этимъ финансовымъ вопросомъ идетъ цѣлый рядъ вопросовъ о подсудности разныхъ преступленій, оказавшихся, скорѣе всего по какому-то недосмотру, какъ уже это указано ранѣе, въ вѣдѣніи народного суда и, наконецъ, идетъ рядъ вопросовъ судопроизводственныхъ и процессуальныхъ. Двадцать лѣтъ обсуждавшійся на Кавказѣ вопросъ о невозможности разграниченія подсудности мировыхъ и общихъ учрежденій по одному только признаку, (сопряжено ли наказаніе съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія или безъ лишенія) потребовалъ новаго разрѣшенія въ Туркестанѣ и кавказскія ошибки были въ Туркестанѣ продѣланы еще разъ ²⁾. Затѣмъ еще возникли слѣдующіе вопросы:

1) дѣла о составленіи подложныхъ на жительство видовъ и о бродяжничествѣ, попавшія въ рубрику преступленій, подсудныхъ народному суду—прокуроры полагали, совершенно основательно, подчинить общему суду;

2) тому же суду прокуроры предлагали подчинить и дѣла о нанесеніи побоевъ беременной женщинѣ (1491 ст. улож.), но почему это одно преступленіе выдѣлялось изъ цѣлаго ряда другихъ, не менѣе важныхъ—непонятно;

3) тому же суду считалось необходимымъ передать разсмотрѣніе дѣлъ о злостныхъ банкротствахъ между туземцами.

4) Также признавалось нужнымъ передать на рѣшеніе русскаго суда дѣла объ употребленіи и продажѣ ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ.

¹⁾ Передача земельныхъ участковъ между туземцами, раздѣлы, наслѣдованіе, совершаются по соблюдаемымъ, въ каждомъ мѣстѣ, обычаямъ (ст. 261 Пол. 12 іюня).

²⁾ На Кавказѣ десять лѣтъ держались того взгляда, что мировой судья можетъ показывать плетью и ссылатъ въ хаторжныя работы, напр. бѣглыхъ ссыльныхъ и только впоследствии было признано, что подобныя дѣла выходить изъ компетенціи мировыхъ судей.

Всѣ эти категоріи дѣлъ предполагалось болѣе удобнымъ изъять изъ подсудности народныхъ судей вслѣдствіе совершенно индифферентивнаго ихъ отношенія ко всѣмъ подобнымъ преступленіямъ. Но одни ли только эти преступленія было неудобно оставлять въ вѣдѣніи народныхъ судовъ и было ли послѣдовательно, по соображеніямъ ли удобствъ или по какимъ либо другимъ мотивамъ, дѣлать подобныя изъятія изъ подсудности народныхъ судовъ, въ тоже время продолжая признавать этотъ судъ достаточно компетентнымъ для сужденія сотенъ другихъ преступленій, имѣющихъ не меньшую важность чѣмъ продажа ядовитыхъ веществъ? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Очевидно, что тутъ сыгралъ роль случай, обратившій вниманіе на необходимость изъять именно эти преступленія изъ вѣдѣнія народного суда. Благодаря такимъ же отдѣльнымъ случаямъ были возбуждены ходатайства: 1) о распространеніи власти прокуроровъ на мѣстныхъ судебныхъ врачей, находящихся въ вѣдѣніи военно-медицинскаго инспектора и не признающихъ распоряженій прокуратуры; 2) о передачѣ въ русскіе суды всѣхъ взысканій по векселямъ, выданнымъ туземцами, а также о подлогѣ этихъ векселей, *потому что вексель есть документъ русскій*, а на основаніи ст. 141 Полож. (п. 11) русскому суду подсудны дѣла о подлогѣ русскихъ документовъ; 3) объ изъятіи изъ подсудности народного суда всѣхъ дѣлъ такихъ туземцевъ, которые или состоятъ въ туземной администраціи, или имѣютъ чинъ, или служатъ на государственной службѣ. Ходатайство это мотивировалось вообще неудобствомъ подчинить народному суду чиновниковъ туземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигли 4 класса; 4) о передачѣ, въ вѣдѣніе областного суда, всѣхъ дѣлъ о туземцахъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ по должности. Дѣла эти, въ большинствѣ случаевъ, были подсудны мировымъ установленіямъ, какъ не влекущія лишенія или ограниченія правъ состоянія, но такая подсудность признавалась неудобною только потому, что всѣ должностныя лица предаются суду коллегіальными постановленіями областныхъ правленій.

Вслѣдъ за преобразованіемъ туркестанскаго суда также почувствовалось великое неудобство почти въ полномъ отсутствіи кассачіи на рѣшенія мировыхъ судей и областныхъ судовъ, такъ какъ по уголовнымъ дѣламъ кассачія допускалась только въ случаѣ нарушенія предѣловъ вѣдомства или власти (ст. 158), а по дѣламъ гражданскимъ не допускалось никакой кассачіи. Можно себѣ легко

представить, каковы могли быть неправильности въ рѣшеніяхъ при такомъ отсутствіи контроля кассационной инстанціи.

Порядокъ исполненія рѣшеній мировыхъ судей и областныхъ судовъ также немедленно вызвалъ не только вопросы, но и нѣкоторыя столкновенія судей и администраціи. На основаніи ст. 192 Полож. рѣшенія эти должны были приводиться въ исполненіе „указами“, даваемыми судьями полиціи, согласно 528—534 зак. о судопр. и взыск. гражд., а по ст. 177 Полож. они должны были исполняться общимъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 157—161 уст. гражд. суд. Нѣкоторые уѣздные начальники отказались отъ исполненія такихъ указовъ, потому что служебное положеніе ихъ и мировыхъ судей одинаково и мировые судьи не могли давать имъ указовъ.

Изъ законовъ, относящихся до народныхъ судовъ, сразу возбудили много вопросовъ: а) ст. 216, на основаніи которой рѣшенія народныхъ судовъ отмѣнялись областными судами, если рѣшенія эти были постановлены „съ превышеніемъ власти или по дѣламъ неподсуднымъ“; б) ст. 232, въ которой было пропущено, кто возбуждаетъ дѣла въ народныхъ судахъ у осѣдлаго населенія (у кочеваго—потерпѣвшій или волостной управитель или уѣздный начальникъ); в) вопросъ объ отводѣ судей въ народныхъ судахъ, причемъ предлагалось, въ случаѣ отказа въ просьбѣ объ отводѣ, допустить принесеніе частныхъ жалобъ въ областной судъ; г) ст. 242, по которой обязанность доставлять на сѣзды народныхъ судей отвѣтчиковъ и свидѣтелей лежитъ на сельской полиціи, но кто долженъ доставлять ихъ къ единоличнымъ судьямъ—не указано. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ прокуратура, не справляясь въ воззрѣніи народа, почему-то полагала, что такая явка обязательна и что неявившагося свидѣтеля слѣдуетъ, попросту, штрафовать, а въ случаѣ неявки отвѣтника постановлять заочное рѣшеніе, да притомъ еще безъ права обжалованія, въ случаѣ же неявки истца—дѣло прекращать, т. е. все дѣлать на русскій образецъ ¹⁾).

Всѣ эти и другіе вопросы были возбуждены официально и самая постановка ихъ довольно ясно указывала, что съ только что дарованнымъ населенію народнымъ судомъ также не считалось нуж-

¹⁾ Когда одинъ сѣздъ народныхъ судей оштрафовалъ неявившагося свидѣтеля на 45 руб., то одинъ изъ прокуроровъ подалъ протестъ въ 5 департаментъ сената и тотъ отмѣнилъ это опредѣленіе народныхъ судей, руководствуясь неизвѣстно какими соображеніями.

нымъ стѣсняться, какъ не церемонилась съ нимъ дореформенная администрація и что предлагались такія капитальныя *поправки*, которыя нарушали всѣ характерныя особенности и суда шаріатскаго и суда по обычаю. Очевидно, что при самомъ официальном признаніи народнаго суда уже не признавалось за учрежденіемъ этимъ никакой устойчивости и считалось совершенно возможнымъ, немедленно, подвергнуть его основательной ломкѣ, во имя ли удобствъ контроля, или во имя специальныхъ интересовъ прокурорскаго надзора.

Всѣ ли эти вопросы уже рѣшены въ настоящее время и рѣшены ли они въ томъ смыслѣ, какъ предлагали туркестанскія власти, мы не знаемъ, но самое количество возбужденныхъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ о судебномъ устройствѣ края былъ обсужденъ съ нѣкоторою поспѣшностью.

Въ виду, однако, неотложной необходимости въ скорѣйшемъ разрѣшеніи большинства этихъ вопросовъ, мѣстныя власти старались, не обращаясь къ законодательному порядку, разъяснить ихъ на мѣстѣ, пытались такъ сказать обойтись собственными силами и, въ поспѣшности, нерѣдко приходили къ заключеніямъ, юридическая зрѣлость которыхъ возбуждаетъ сомнѣнія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

1) 11 августа 1888 года совѣтъ генераль-губернатора разсуждалъ о порядкѣ отвода народныхъ судей. Правильно ли этотъ вопросъ попалъ въ совѣтъ генераль-губернатора—этого не будемъ касаться, потому что по заведенному порядку въ совѣтъ вносились все то, что находилъ нужнымъ главный начальникъ края. Казалось бы, что такой вопросъ никѣмъ инымъ не могъ и не долженъ быть рѣшенъ какъ самими народными судьями, ибо едва ли даже допустимо предположеніе, чтобы подобный вопросъ не былъ предусмотрѣнъ шаріатомъ или адатомъ. Тѣмъ не менѣе онъ попалъ въ совѣтъ генераль-губернатора и тамъ, не справляясь ни съ адатомъ, ни съ шаріатомъ, признали за лучшее разрѣшить вопросъ согласно съ русскими законами (ст. 195 и 667 уст. угол. судопр. и ст. 85 и 600 уст. гражд. суд.) и, *примѣнительно* къ ст. 216 Полож. 12 іюня, допустили жалобы на опредѣленія народныхъ судей объ отводѣ, каковыя жалобы должны быть подаваемы чрезъ уѣздныхъ начальниковъ прокурорамъ, а тѣ представляли бы ихъ въ областной судъ.

2) 22 декабря 1886 г. совѣтъ принялъ на себя задачу установить: кто долженъ рѣшать такія дѣла, когда иски предъявля-

ются къ самимъ народнымъ судьямъ. Кажется, и въ этомъ случаѣ, не было сомнѣнія, что и адаты и шаріаты сами знаютъ выходъ изъ этого положенія, но совѣтъ, все таки, разсуждалъ, кому удобнѣе предоставить рѣшеніе такихъ исковъ—ближайшему ли судѣ или кандидату того судьи, который попалъ въ тяжбу, и остановился на томъ, чтобы предоставить это ближайшему судѣ, потому что кандидатъ де всегда соперничаетъ съ судьей.

3) По проекту Положенія 1867 г., дѣла объ убійствахъ между киргизами рѣшались народными судьями (§ 133), но на практикѣ оказалось, что нѣкоторые убійства, совершенныя еще до 1 января 1887 г., не успѣли попасть на народный судъ и остались неразрѣшенными. Возникъ вопросъ, кто долженъ рѣшить эти дѣла и хотя въ этомъ случаѣ новый законъ не могъ имѣть обратнаго дѣйствія уже потому, что онъ былъ гораздо строже стараго, тѣмъ не менѣе совѣтъ призналъ эти дѣла подсудными областнымъ судамъ. Помимо всего, въ этомъ случаѣ достойно замѣчанія, что это признаніе сдѣлано административнымъ учрежденіемъ, не уполномоченнымъ разрѣшать никакихъ пререканій.

Почти одновременно съ этими рѣшеніями, которыми, такъ сказать, домашнимъ порядкомъ устранялись и восполнялись разныя пробѣлы закона, послѣдовало нѣсколько рѣшеній правительствующаго сената, способствовавшихъ усугубленію воцарившейся въ судебномъ дѣлѣ путаницы.

Большое недоразумѣніе вызвало, напримѣръ, сенатское рѣшеніе по вопросу: кому подсудны иски по векселямъ на сумму свыше 2000 руб. (указ. 4 департ. 5 декабря 1888 г. № 1495). На основаніи Полож. 1886 г. (§ 194) иски по векселямъ до 2000 рублей подсудны мировымъ судьямъ, а кому подсудны иски по векселямъ свыше этой суммы—ясно разрѣшала ст. 194 Положенія ¹⁾. По рѣшенію сената однако оказалось, что они подсудны не судамъ, а полиціи. Ст. 194 говоритъ, по мнѣнію сената, только о спорныхъ, а не о безспорныхъ взысканіяхъ, хотя въ самой статьѣ этой подобнаго указанія не заключается.

Затѣмъ послѣдовало рѣшеніе вопроса—кому подсудны дѣла о бродягахъ (указ. 4 департ. 5 сентября 1888 г. № 1376). Эти дѣла, по рѣшенію 4 департамента, оказались подсудными мировымъ

¹⁾ Ст. 194: гражданскія дѣла, выходящія изъ предѣловъ вѣдомства мировыхъ судей, начинаются въ областныхъ судахъ.

судьямъ; приговоры же этихъ судей, какъ растолковалъ сенатъ, должны приводить въ исполненіе областныя правленія, и именно потому, разсуждаетъ сенатъ, что хотя подобный порядокъ исполненія приговоровъ не предусмотрѣнъ закономъ ¹⁾, но „очевидно, что правила эти не объемлютъ и не могутъ обнять всѣхъ случаевъ исполненія приговоровъ“, а потому, говоритъ сенатъ „областное правленіе, какъ полиція, обязана чинить буквальное исполненіе приговора, не входя ни въ какое разсужденіе и не прилагая никакой догадки“. Въ этомъ сенатскомъ указѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что областное (т. е. губернское правленіе) дважды названо полиціей, каковаго наименованія этимъ учрежденіямъ законъ не присвоиваетъ.

Одновременно съ тѣмъ послѣдовало рѣшеніе 1 департамента, въ которомъ, по поводу пререканія одного областного правленія съ прокуроромъ, высказаны слѣдующія руководящія мысли: одинъ волостной управитель обвинялся въ вымогательствѣ съ киргизъ, и, именно, въ полученіи съ каждой кибитки 70—80 коп. въ свою пользу. Областное правленіе высказалось за прекращеніе дѣла, принявъ во вниманіе то обстоятельство, что хотя 40 свидѣтелей и удостовѣряютъ, что деньги дѣйствительно вымогались, но одни изъ нихъ говорятъ, что это было въ 83, другіе—въ 84, третьи—въ 85 году, причемъ одни свидѣтельствуютъ, что брали по 30, другіе—по 40, 50, 60 копѣекъ и т. д. Прокуроръ протестовалъ, высказавъ, что „противорѣчіе свидѣтелей касается *исключительно* времени, мѣста, количества и обстоятельствъ, при которыхъ вымогались деньги, т. е. касаются подробностей факта, но наличность самаго факта свидѣтели утверждаютъ категорически“. Сенатъ, раздѣляя взглядъ прокурора, пошелъ даже еще дальше обвиненія и высказалъ, что разнорѣчіе свидѣтелей о времени, количествѣ денегъ и проч., и проч. *ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ къ прекращенію дѣла, а только указываетъ на многочисленность случаевъ вымогательства* (дѣло Бектыбекова съ Канглысафаровцами). Далѣе, былъ еще такой случай, когда разъясненіе сената окончательно залутило вопросъ. Пока въ краѣ не было введено Положеніе 12 іюня, сенатъ неоднократно разъяснялъ, что Проектъ 1867 года или, какъ онъ официально назывался „дѣй-

¹⁾ Порядокъ исполненія приговоровъ предусмотрѣнъ закономъ (Пол. ст. 159 и 181—191 уст. угол. суд.).

ствующій проект“, а также и все, что генераль-губернаторъ считалъ нужнымъ ввести въ краѣ, обязательны для исполненія, но какъ только Положеніе было введено, сенатъ отступился отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Такъ напр., 14 марта 1888 года (указъ № 500) 4 департаментъ, по поводу жалобы одного частнаго повѣреннаго на отказъ въ выдачѣ ему свидѣтельства на хожденіе по чужимъ дѣламъ, не вошелъ въ обсужденіе самой жалобы, а высказалъ, что въ краѣ никогда никакихъ частныхъ повѣренныхъ не было и что въ Туркестанѣ всякій могъ ходатайствовать по дѣламъ, между тѣмъ еще въ 1876 г. (30 октября), генераль Кауфманъ (приказъ № 6787), въ силу Высочайше дарованныхъ ему полномочій, примѣнилъ въ краѣ правила 25 мая 1875 г., и съ тѣхъ поръ къ веденію чужихъ судебныхъ дѣлъ допускались только лица, получившія на то свидѣтельства.

Но и относительно статей только что введеннаго Положенія сенатъ давалъ противорѣчивыя разъясненія. Такъ напримѣръ, по поводу уже цитированной ранѣе ст. 216 полож. одинъ прокуроръ возбудилъ вопросъ: въ какомъ порядкѣ судъ долженъ разсматривать его протесты, подаваемые на основаніи этой статьи: какъ мировой съѣздъ, или какъ соединенная палата, и можно ли протестовать противъ опредѣленій областного суда, постановленныхъ по той же ст. 216? При разъясненіи этого вопроса оказалось, что 5 департаментъ сената, рассмотрѣвъ по существу протестъ прокурора, отмѣнилъ приговоръ суда, а 4 департаментъ нашелъ, что опредѣленія судовъ по ст. 216 окончательны и оставилъ протестъ безъ разсмотрѣнія.

Среди этой путаницы, областной судъ присвоилъ себѣ право рѣшать дѣла по преступленіямъ должностныхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, проявивъ при этомъ еще и величайшую медленность.

Также очень характерно, что одинъ изъ областныхъ судовъ, по одному гражданскому дѣлу (дѣло Джурабека Календарбекова), рѣшилъ, что если туземецъ имѣетъ какой либо чинъ, то онъ уже перестаетъ пользоваться правами туземца, и народному суду не подлежитъ. Рѣшеніе это, какъ не подлежащее кассациі, вошло въ силу.

Такимъ образомъ, только что отстроенное новое зданіе реформированнаго суда было подвергнуто капитальной перестройкѣ. Давно уже, такъ сказать, тронутый народный судъ былъ оконча-

тельно допорченъ и самымъ Положеніемъ 12 іюня и его разъясненіями, и совершенно утратилъ своеобразный свой обликъ. Взирая на такое вторженіе и въ существо и въ формы народного суда, которое стало усиленно практиковаться съ 1 января 1887 г., оставалось только съ полнымъ недоумѣніемъ спросить: и зачѣмъ же было огородъ городить и зачѣмъ было давать сегодня то, что завтра признавалось негоднымъ и несостоятельнымъ? Мало того, что въ видахъ надзора, установили такой порядокъ, чтобы всѣ приговоры шли на просмотръ уѣздныхъ начальниковъ ¹⁾, на тотъ конецъ, не найдеть ли онъ поводовъ къ протесту по ст. 216 пол.; мало было еще создать изъ областного суда кассационную инстанцію для рѣшеній, постановленныхъ по адату и шаріату, и начать оцѣнивать преступленія, подсудныя народному суду, съ точки зрѣнія русскихъ законовъ, потребовалось еще, для чего-то, даже наблюденіе за порядкомъ доставленія свидѣтелей, за порядкомъ ихъ оштрафованія, порядкомъ отвода народныхъ судей, и все это организовалось по русскимъ законамъ. Тутъ было полное недоразумѣніе: народный судъ какъ бы данъ былъ для того, чтобы немедленно приступить къ его окончательному искаженію и уничтоженію. Вся дѣятельность, направленная къ передѣлкѣ народныхъ судовъ, имѣла такой видъ, какъ будто бы правительство инстинктивно сознавало несовмѣстимость этихъ судовъ и вообще съ цивилизованнымъ управленіемъ и, въ частности, съ предпринятыми реформами—поземельной, финансовой, учебной, податной, несовмѣстимымъ со введеніемъ въ странѣ общегражданскаго управленія, но, все-таки, считало еще нужнымъ для чего-то оставить въ рукахъ народа хотя призракъ его патріархальнаго суда.

Весьма мало обремененная, но жаждавшая дѣятельности прокуратура, также, съ особенной энергіей, принялась за исправленіе народного суда, но, въ особенности, усердіе это проявилось въ открытіи въ дѣйствіяхъ народныхъ судей преступленій по должности. Прокуроры, однако, упустили изъ виду, что къ этому патріархальному суду никакія цивилизованныя нормы непримѣнимы. Напр. подчистки, помарки, уничтоженіе и передѣлка подписей въ рѣшеніяхъ и актахъ народного суда, громко именуемые на нашемъ языкѣ подлогами по службѣ, не имѣютъ, по народнымъ

¹⁾ Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ попутно 23 декабря 1887 г. при рѣшеніи другаго вопроса.

возрѣніямъ, большаго значенія и совершаются невинно и по простотѣ душевной. Тутъ воли нѣтъ, отсутствуетъ злая воля и злой умыселъ и прокурорамъ совсѣмъ нечего было дѣлать. Точно также, когда народный судья, увѣщевая спорящихъ окончить дѣло миромъ, побьетъ или ругнетъ неговорчивую сторону, а прокуроръ сейчасъ же возбуждаетъ громкое дѣло объ оскорбленіи при исполненіи обязанностей службы, то тутъ проявляется только незнаніе того, что битье и руганья есть только патріархальный способъ убѣжденія... Дѣятельность прокуратуры приняла, однако, такимъ образомъ характеръ настойчиваго вмѣшательства въ отправленіе правосудія въ народныхъ судахъ и кляузный туземецъ, при содѣйствіи мелкой кляузной адвокатуры, усмотрѣлъ въ прокурорѣ нѣкую особую инстанцію, охотно принимающую всякаго рода жалобы и куда то ихъ направляющую. Затѣмъ, конечно, не обошлось безъ недоразумѣній, обычно сопровождающихъ отдѣленіе суда отъ администраціи, и начались препирательства между слѣдователями, уѣздными начальниками, прокуратурой, областными правленіями и областными судами ¹⁾....

Подводя итоги всему вышесказанному, оцѣнивая, по достоинству, какъ прежде дѣйствовавшіе, такъ и вновь введенные судебные порядки въ Туркестанѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Если еще при завоеваніи края считалось необходимымъ, по соображеніямъ политики и экономіи, оставить населенію широкую судебную автономію, то допущеніе этихъ временныхъ порядковъ на протяженіи цѣлой четверти столѣтія было уже нѣкоторой ошибкой. Какъ бы гуманно ни относиться къ обычаямъ страны, правительство никогда не могло иначе, какъ въ ущербъ своего достоинства, выпустить изъ своихъ рукъ вѣсы правосудія и передать ихъ въ руки народа не только невѣжественнаго, но, нерѣдко, религіозно-фанатичнаго, а тѣмъ большею ошибкой было столь продолжительное оставленіе этого суда въ рукахъ народа,

¹⁾ Однимъ изъ неожиданныхъ результатовъ этихъ несогласій получилась безнаказанность лжедоносчиковъ. Туземцы приносятъ массу жалобъ на должностныхъ лицъ. Девять десятыхъ этихъ жалобъ ложны и оставляются, резолюціями губернаторовъ, безъ послѣдствій, а противъ ложныхъ доносчиковъ возбуждается преслѣдованіе чрезъ прокурора. Нѣкоторые изъ прокуроровъ оставляютъ, однако, такіа сообщенія губернаторовъ безъ движенія, потому что, по мнѣнію ихъ, губернаторъ не имѣетъ права находить жалобы ложными, а должны это дѣлать областныя правленія.

что, въ сущности, этотъ судъ находился у осѣдлаго населенія въ рукахъ духовенства, въ рукахъ казіевъ, всегда враждебно относившихся къ невѣрнымъ ¹⁾). Наконецъ, весьма серьезной ошибкой было со стороны русской власти, что она допустила, путемъ суда, проникнуть шаріатскимъ тенденціямъ въ среду совершенно еще въ то время индеферентнаго, въ религіозномъ отношеніи, киргизскаго народа, весьма быстро поддавагшагося этой пропагандѣ, при совершенномъ отсутствіи всякихъ признаковъ миссіонерской дѣятельности съ нашей стороны. За этотъ длинный промежутокъ времени православная церковь въ краѣ едва ли приобрѣла и десятокъ новыхъ прозелитовъ среди киргизъ, между тѣмъ какъ мусульманство ихъ насчитываетъ сотни тысячъ и, навѣрно, не выпуститъ изъ своихъ рукъ новыхъ послѣдователей ислама, если бы даже теперь мы проявили усиленное миссіонерское рвеніе. Мы не хотимъ, разумѣется, этимъ сказать, что господствующая въ государствѣ церковь должна была приняться за обращеніе киргизъ въ православіе тотчасъ какъ только приняла ихъ въ свое подданство, но, не въ укоръ мѣстной власти будь сказано, что она должна была менѣе спокойно смотрѣть на обращеніе киргизъ въ мусульманъ и, допустивъ столь безпрепятственную мусульманскую пропаганду, сдѣлала серьезную ошибку. Теперь это дѣло уже непоправимо. Нельзя даже сказать, чтобы мы смотрѣли только равнодушно на повальный переходъ киргизъ въ исламъ; нѣкоторые дѣйствія администраціи имѣли даже такой видъ, что она какъ бы хотѣла усвоить киргизамъ чуждое для нихъ ученіе Магомета. Такъ напр., при отобраніи отъ киргизъ, по разнымъ случаямъ, присяги, ихъ почему то издавна третировали какъ настоящихъ мусульманъ и навязывали имъ присягу по корану, между тѣмъ какъ „обычная“ киргизская присяга никакого сходства съ присягой по корану никогда не имѣла и не имѣетъ.

Не менѣе важны были и другія ошибки. Напримѣръ, исправленіе всѣхъ недостатковъ народныхъ судовъ путемъ механическаго приспособленія формъ и образцовъ русскаго суда, вмѣсто представленія этимъ недостаткамъ выступить въ яркомъ свѣтѣ и съ

¹⁾ Эта точка зрѣнія не только никогда не признавалась, но въ печати, правда изъ мусульманскаго лагеря, выражалось неудовольствіе и на тотъ легкій надзоръ, который правительство установило за народными судами и высказывалось, что такое „вторженіе русской власти въ ихъ мусульманское правосудіе и безцѣльно и оскорбительно“. Такъ, напр., думаетъ извѣстный мусульманскій писатель Баязитовъ.

наибольшею рельефностью и тѣмъ дискредитовать мѣстные судебные порядки, было большою ошибкой. Этотъ способъ исправленія не спасъ народныхъ судовъ отъ паденія, но очень подорвалъ въ глазахъ туземцевъ благія русскія начинанія и попытки.

Затѣмъ, когда съ упраздненіемъ родового начала, переходомъ киргизъ въ мусульманство, раздробленіемъ родовъ, осѣданіемъ сотенъ тысячъ кочевниковъ на хлѣбопашество, воцареніемъ среди нихъ смѣси шаріата и русскихъ судебныхъ порядковъ, исчезло единство адата, единство обычая и, такъ называемый, судъ по обычаю сталъ фактически невозможенъ, русской власти не подобало продолжать настаивать на дальнѣйшемъ существованіи этого суда и санкціонировать въ Положеніи 1886 г. этотъ адатъ вновь и, повидимому, на долгіе годы. Это было наиболѣе крупной ошибкой. Только изъ опасенія нарушить адатъ и завѣты корана, нарушить нѣкую фикцію, мы допустили и узаконили приниженное безправное положеніе восточной женщины, не рискнули взять подъ свой контроль дѣла семейныя и брачныя и, такимъ образомъ, выпустили изъ своихъ рукъ могущественное средство содѣйствовать упраздненію азійскаго строя семейной жизни. Мотивомъ къ такому уклоненію нашему всегда, какъ извѣстно, служило наше будто бы невѣдѣніе мусульманской жизни; но кто же, спрашивается, мѣшалъ намъ прекратить это непостижимое невѣдѣніе и почему это невѣдѣніе насъ не стѣсняло въ другихъ реформаторскихъ предпріятіяхъ?

До сихъ поръ мы даже не рѣшились отобрать отъ духовенства и взять въ свои руки мусульманскую школу, этотъ истинный разсадникъ фанатизма и отчужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, слава Богу, хоть не повторили ошибки, сдѣланной на Кавказѣ, а именно не дали мусульманскому духовенству никакой организаціи и тѣмъ не придали ему еще большаго значенія, чѣмъ оно уже имѣетъ. Поддерживая, однако, темный шаріатъ, поддерживая обычай, завѣдомо угнетающій младшую братію, отдающій бѣдныхъ на жертву богатымъ и слабымъ въ жертву сильнымъ связями и родствомъ, мы, конечно, не только не содѣйствуемъ прочному установленію правосудія, но прямо теряемъ въ глазахъ народа, терпящаго отъ произвола адата и шаріата. Старая истина, что поддерживать священную древность можно только тогда когда она безвредна, находитъ здѣсь новое подтвержденіе. Мы поступаемъ наоборотъ. Съ удивительной уступчивостью мы отдали предпочтеніе темному

мусульманскому закону предъ нашимъ гуманнымъ законодательствомъ, а къ старому и нѣкогда крѣпкому зданію адата, по давно уже разшатанному и грозящему разрушеніемъ, мы подставили свои русскія подпорки, хотя эти подпорки не въ состояніи уже дать ему ни твердости, ни устойчивости. Сантиментальное воспѣваніе прелестей шаріата и адата есть ничто иное, какъ горькое или злостное заблужденіе. Это заблужденіе, по своей колоссальности, можетъ быть поставлено рядомъ развѣ только съ тѣмъ заблужденіемъ, что въ краѣ дѣйствуетъ какой то *мусульманскій законъ*? Въ самомъ дѣлѣ, какой это такой тамъ дѣйствуетъ мусульманскій законъ? Такъ называемые знатоки края, состарѣвшіеся въ своихъ канцеляріяхъ, не видя народа и не зная его быта, произносятъ подчасъ, съ большимъ чувствомъ, громкія фразы о мусульманскомъ законѣ, предполагая, очевидно по недоразумѣнію, что съ дарованіемъ краю народныхъ судовъ объявлена какая то неприкосновенность коренныхъ мусульманскихъ началъ. Эти знатоки не только забываютъ, что никакихъ мусульманскихъ кодексовъ и сводовъ никогда не существовало и нынѣ не существуетъ, но забываютъ и то, что всѣ коренныя мусульманскія начала управленія вообще и правосудія—въ частности, давно тронуты и непрерывно нарушались въ теченіи цѣлой четверти столѣтія.

Въ самомъ дѣлѣ, какія же изъ мусульманскихъ началъ остались неприкосновенными?

Мусульманская система налоговъ (хѣраджъ, танацъ, зякетъ) уничтожена; податная система введена кадастровая, неизвѣстная корану и мусульманамъ; выборъ туземной администраціи совершается не по адату и не по шаріату; болѣе важныя уголовныя преступленія судятся не по мусульманскимъ законамъ, а по русскимъ; способы пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ установлены русскими законами, за исключеніемъ сдѣлокъ между туземцами одной народности; имущества, переходящія такъ называемыми безмездными способами, обложены налогами, неизвѣстными мусульманству; пошлины гильдейскія и ремесленныя, также неизвѣстныя мусульманству, давно введены. Самый туземный судъ устроенъ вовсе не по адату и не по шаріату (апелляція, кассачія, тюремныя заключенія, заочныя рѣшенія, обязательныя письменные приговоры и проч. и проч. все это нововведенія русской власти); наконецъ, монета, вѣсы, мѣры, денежный счетъ, лѣтосчисленіе и т. д. и т. д.—все это русское и т. д.

Даже семейная жизнь не осталась нетронутой и современная гаремная мусульманка находится уже далеко не въ томъ положеніи, которое ей указано кораномъ: она во многихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ покровительству русскаго закона и власть не отказывается ей въ заступничествѣ. О какомъ же мусульманскомъ законѣ продолжаютъ еще говорить знатоки края? Спросите ихъ, и тѣ васъ забросаютъ словами и фразами, полными тумана. Эти знатоки какъ бы не хотятъ видѣть, что мусульманство остается въ неприкосновенности только какъ религія, но какъ гражданскій строй оно уже изчезло и не существуетъ.

И чтобы ни говорили наши канцелярскіе дѣятели, но четверть столѣтія русскаго правленія такъ сильно пошатнула вѣковые устои мусульманскаго режима, что видимо наступаетъ время иныхъ порядковъ. Краю нуженъ обильный свѣтъ, но конечно не мусульманскаго просвѣщенія, нужно гражданское единеніе съ Имперіей, а не обособленіе, нужна русская національная политика, твердая, хотя и гуманная и, прежде всего, нужно поменьше канцелярскаго самомибія при разрѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ.

Пусть край остается мусульманскимъ по религіи, но не по своему гражданскому строю. Пусть боязливые чиновники, опасавшіеся четверть столѣтія прикоснуться къ мѣстнымъ порядкамъ, потому что они истекаютъ изъ корана, продолжаютъ благоговѣть предъ фикціей, именуемой мусульманскимъ правомъ и мусульманскимъ закономъ, но время уже сдѣлало свое и считается съ мусульманствомъ, какъ гражданскимъ строємъ, болѣе не слѣдуетъ. Пора вводить въ русской странѣ общіе русскіе порядки и всего правильнѣе начать это съ судовъ. Иностранческіе суды отжили свой вѣкъ..... Ложный страхъ предъ взрывомъ фанатизма пора также оставить, ибо страхъ, какъ сказалъ мудрѣйшій изъ судей—Соломонъ, „есть ничто иное какъ лишеніе помощи отъ разсудка“ ¹⁾.

Совершившіяся, одновременно съ судебнымъ преобразованіемъ, реформы: поземельно-податная, финансовая и административная проведены болѣе удачно чѣмъ реформа суда, но объ этомъ рѣчь до другаго раза.

Н. Дительштедтъ.

¹⁾ Кн. прор. Соломона гл. XVII ст. 11.